

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Варвары. Максим Горький

Сцены в уездном городе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Черкун Егор Петрович, 32 лет, инженер.

Анна Федоровна, 23 лет, его жена.

Цыганов Сергей Николаевич, 45 лет, инженер.

Богаевская Татьяна Николаевна, 55 лет, домовладелица, дворянка.

Лидия Павловна, 28 лет, ее племянница.

Редозубов Василий Иванович, 60 лет, городской голова.

Гриша, 20 лет, Катя, 18 лет, его дети.

Притыкин Архип Фомич, под 35 лет, купец, лесопромышленник.

Притыкина Пелагея Ивановна, 45 лет, его жена.

Монахов Маврикий Осипович, 40 лет, акцизный надзиратель.

Монахова Надежда Поликарповна, 28 лет, его жена.

Головастиков Павлин Савельевич, под 60 лет, мещанин.

дробязгин, 25 лет, служит в казначействе.

доктор Макаров, 40 лет.

Веселкина, 22 лет, дочь почтмейстера.

Исправник, 45 лет.

Ивакин, 50 лет, садовник и пчеловод.

Лукин Степан, 25 лет, студент, его племянник.

дунькин муж, под 40 лет, личность неопределенная.

Гогин Матвей, 23 лет, деревенский парень.

Степа, 20 лет, горничная Черкуна.

Ефим, 40 лет, рабочий Ивакина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Луговой берег реки; за рекою виден маленький уездный город, ласково окутанный зеленою садов. Перед зрителями сад - яблони, вишня, рябина и липы, несколько штук ульев, круглый стол, врытый в землю, скамейки. Вокруг сада - растрепанный плетень, на кольях торчат валеные сапоги, висит старый пиджак, красная рубаха. Мимо плетня идет дорога - от перевоза через реку на почтовую станцию. В саду направо - угол маленького, ветхого дома; к нему примыкает крытый ларь - торговля хлебом, баранками, семечками и брагой. С левой стороны у плетня - какая-то постройка, крытая соломой, - сад уходит за нее. Лето, время - после полудня, жарко. Где-то дергает коростель, чуть доносится заунывный звук свирели. В саду, на завалинке под окном, сидит Ивакин, бритый и лысый, с добрым, смешным лицом, и внимательно играет на гитаре. Рядом с ним - Павлин, чистенький, аккуратный старичок, в поддевке и теплом картузе. На окне стоит красный кувшин с брагой и кружки. На земле у плетня сидит Матвей Гогин, молодой деревенский парень, и

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
медленно жует хлеб. С правой стороны, где станция, доносится ленивый и больной
женский голос: "Ефим..." Молчание. Слева по дороге идет Дунькин муж, человек
неопределенного возраста, оборванный и робкий. Снова раздается крик: "Ефим!..."

Ивакин. Ефим... Эй!

Ефим (идет по саду вдоль плетня). Слышу... (Матвею.) Ты чего тут?

Матвей. Ничего... вот - сижу...

(Третий раз, уже раздраженно, зовут: "Ефим!")

Ивакин. Ефим! Что ж ты, братец ты мой...

Ефим. Сейчас... (матвею.) Пошел прочь!..

(Снимает рубаху с плетня, дунькин муж кашляет и кланяется ему.) А... явился!
Чего надо?

Дунькин муж. Из монастыря иду, Ефим Митрич...

Ефим (идет). Выгнали? У, дармоеды... черти!

Ивакин (Ефиму). А ты, братец, иди, когда зовут...

(Павлину.) Любит командовать старик...

Павлин. Всякому человеку этого хочется.

Ивакин. А люди - против... люди не желают, чтобы на них зря орали... да...

Павлин. Как ни поступай, одобрения от людей не заслужишь... Однако в строгости
все нуждаются.

Ивакин. Этот же самый вальс можно играть на другой манер - вот как. (Играет.)

Дунькин муж. О господи! Обругал человек всех видимых и невидимых: а за что?

Матвей. Жарко.

Дунькин муж. И мне жарко, но я терплю молча: Просто - человек, который хоть
несколько сыт, уже почитает себя начальством: хлеб да соль!

Матвей. Ем да свой...

Дунькин муж. Деревенский? Хорошо в деревнях хлеб пекут.

Матвей. Когда мука есть - ничего, испечь могут... А это - у Ивакина я купил...

Дунькин муж. Скажите! Запах у него однако - как у деревенского... Позвольте мне
кусочек... отведать.

Матвей. Самому мало...

(Дунькин муж, вздохнув, двигает губами.)

Ивакин. Вот... можно играть еще медленнее.

Павлин. Говорите - называется это "Вальс сумасшедшего священника"?

Ивакин. Именно...

Павлин. Почему же так? Чувствую в этом некоторый соблазн и как бы неуважение к
духовному сану...

Ивакин. Ну, пошел мудрить! Экой ты, Павлин, придира!

Павлин. Напрасно так осуждаете, ибо всем известно, что скелет души моей -
Страница 2

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
смиренie... но только ум у меня беспокойный...

Ивакин. Не располагаешь ты к себе, братец мой: вот что!

Павлин. Ибо возлюбил правду превыше всего: На гонения же не ропщу и, будучи в намерениях моих тверд, ничего, кроме правды, не желаю.

Ивакин. Чего тебе желать? Домишко есть, деньжонки есть... (Слева слышны голоса, Ивакин смотрит.) Почтмейстерова дочь идет... куда это?

Павлин. Вертихвостка... Пагубного поведения девица...

(Идут Дробязгин и Веселкина.)

Веселкина. Я вам говорю: она была замужем за инженером.

Дробязгин. Марья Ивановна! Отчего у вас такое недоверие к фактам?

Веселкина. Я верю только в то, что знаю...

Дробязгин (почти с отчаянием). Но этот пессимизм совершенно не совпадает с вашей наружностью! Поверьте мне, - муж Лидии Павловны был директором лакричного завода, и она его не бросила, а просто он умер, подавившись рыбьей костью...

Веселкина. Она его бросила, говорю вам!

Дробязгин. Марья Ивановна! У нас в казначействе все известно...

Веселкина. У нас на почте знают больше вашего. Он украл деньги и теперь - под судом... и она сама в это дело запутана, да-с!

Дробязгин. Лидия Павловна? Марья Ивановна! Сама Татьяна Николаевна...

Веселкина. А за то, что вы спорите, вы должны угостить меня брагой:

(Ивакин встает и уходит за угол дома. Павлин берет оставленную им гитару, заглядывает внутрь ее, трогает струны.)

Дробязгин. Извольте! А все-таки она - вдова!

Веселкина. Да? Хорошо же... Вы увидите...

(Уходят направо.)

Дунькин муж (негромко). Слушай... дай кусочек, Христа ради!

Матвей. Что ж ты, чудак, прямо не сказал? Просишь отведать... разве хлеб отведывают?

(В саду является Ивакин, ставит на стол кувшин браги, два стакана и смотрит вдаль.)

Дунькин муж. Стыдно было прямо-то... спасибо!

Ивакин. Павлин! Город-то... красота! Как яичница на сковороде... а?

Павлин. Проведут железную дорогу - всё испортят...

Ивакин. Чем испортят? Каркай!

Павлин. Нашествием чужих людей...

(Входят в сад Веселкина и Дробязгин, садятся за стол, пьют брагу и вполголоса разговаривают. Ивакин и Павлин уходят за угол.)

Матвей. Ты кто будешь?

Дунькин муж. Мещанин... из города...

Матвей. У вас мещане богатые... а ты что?

Дунькин муж. А я - ослаб. Разорила меня жена... жена, брат... Сначала - ничего была... жили дружно. Красивая она, бойкая... да. А потом - скучно, говорит, мне. Начала вино пить... и я с ней тоже...

Матвей. И ты?

Дунькин муж. И я... что поделаешь? В распутство она ударила... Стал я тогда бить ее... да. А она - сбежала... дочь была у меня... и дочь сбежала на пятнадцатом году... (Замолчал, задумался.)

Дробязгин (громко). Это неправда, Марья Ивановна! Доктор и надежда Поликарповна... они оба люди романические...

Веселкина. Т-сс! Тише!

Матвей. Она тоже распутная?

Дунькин муж. Кто?

Матвей. Дочь?

Дунькин муж. Нет... не знаю. Неизвестно мне, где она... Опять же мне вот, пьяному, кто-то внутренности отбил... нездоров я теперь, в работу - не гожусь... да и не умею ничего...

Матвей. Ишь ты... как же ты?

Дунькин муж. Так уж... как придется...

Дробязгин (вскакивает). Марья Ивановна! Это удивительно... и даже ужасно! Вы совсем не верите ни во что светлое...

Веселкина. Не кричать! Вы совсем безумный.

Дробязгин. Нет! Чтобы Лидия Павловна... чтобы исправник...

Веселкина. Сядьте вы...

Дунькин муж. Сегодня инженеры приедут...

Матвей. Дорогу строить?

Дунькин муж. Да... дороги строят, а идти человеку некуда...

Матвей. Работа будет... а? Вот бы... поработать бы!

(В саду является Павлин, он идет к столу, Веселкина видит его.)

Веселкина (негромко). Головастиков идет...

Дробязгин. А, мудрец! Что скажете?

Павлин. Желаю доброго здоровья...

Дробязгин. Спасибо...

Павлин. Сейчас через реку городской голова переехал, сюда идет...

Веселкина. Это он инженеров хочет встретить... скажите! Такой гордый старик...
(Ивакин идет, отдуваясь.)

Дробязгин. Да... что, Иван Иванович, жарко?

Ивакин (смотрит вдаль налево). Да-а...

Павлин. Это ваше нетерпение увеличивает жару... Я вот никого не жду и потому жары не чувствую...

Ивакин. Доктор идет... акцизный...

Веселкина. Кого ж мы ждем? Нам ждать некого.

Павлин. Я не про вас - это вот он племянника ждет...

Дробязгин. Студента?

Ивакин. Да... Архип Притыкин с ними...

Веселкина. Первый студент в нашем городе. Это очень интересно!

Дробязгин. Не первый уж, Марья Ивановна! Статистик, который застрелился...

Веселкина. Он не кончил учиться...

Павлин. Да, его исключили вон за политическое поведение...

Ивакин (грубо). А застрелился он потому, что ты донос на него написал... а зачем это тебе понадобилось - пес тебя знает! (Идет прочь.)

Павлин (вслед ему). Вредоносному всегда буду противоречить... Грубого характера человек Иван Иванович! И притом - несправедлив. Мне доподлинно известно, что господин статистик Рыбин от безнадежности своей любви к Надежде Поликарповне застрелился...

Дробязгин. Почему это вам все известно?

Павлин. Потому что я внимателен...

(Идут с левой стороны, по дороге доктор, Монахов и Притыкин. Дунькин муж незаметно исчезает. Матвей встает, кланяется.)

Притыкин. Нет, доктор, вы меня извините, а какая приятность в том, чтобы рыбу удить, я не могу понять!

Доктор (угрюмо). Рыба - молчит...

Монахов. Что вы, батя, вообще, понимаете? Весьма немного... летом купаться, зимой - в бане париться, - вот все ваши духовные наслаждения... (Павлин отходит к завалинке и садится поближе к плетню.)

Притыкин. Тело человечье любит чистоту...

Дробязгин (кричит). А мы уже здесь!..

Доктор (остановился у плетня). Спросите браги, Дробязгин...

Дробязгин (кричит). Ивакин! давайте браги, похолоднее, побольше!

Притыкин. Играя в стуколку, приятно обремизить человека...

Монахов. Не спорю...

Притыкин. Опять же - музыка... Когда трубачи действуют, я чувствую себя военным.

Доктор (Монахову, сумрачно усмехаясь). Это он льстит вам...

(Дробязгин подходит к плетню и стоит, слушая. Заметно, что ему хочется вступить в разговор, но он не успевает в этом. Веселкина отходит в глубь сада, смотрит на город, тихо напевая.)

Притыкин. Какая мне в этом польза? А что, обучив пожарных музыкальному делу, Маврикий Осипович перед всем городом славу заслужил навеки - или это неверно?

Монахов. Н-да! Могу сказать - потрудился я с ними! Ведь не люди моржи...

Притыкин. Я теперь, Маврикий Осипович, даже на самовар глядя, вас вспоминаю.

Доктор (без улыбки). Разве он похож на самовар?

(Дробязгин смеется.)

Притыкин. Нисколько! Я хочу сказать, что все медное напоминает мне про вас...

Доктор. Он вас изувечит похвалами...

Притыкин. То есть про ваши труды в музыке...

Монахов. Что это вы, батя, так сладко поете, а?

(Ивакин принес брагу, идет к плетню.)

Притыкин. Ежели я и пою, то как жаворонок, безо всякой корысти... А что доктор насмехается, так он лицо мрачного характера и, кроме рыбы, ничего не любит...

Монахов (смотрит в сторону). А дамы наши, видно, устали: вон - едва идут...

Дробязгин. Татьяне Николаевне всех труднее при их полноте и годах...

Ивакин. Пожалуйте брагу кушать...

Доктор. Ну, кругом я не пойду... (Шагаечерез плетень.)

Монахов. А Лидия Павловна к нашей компании интереса не чувствует...

Дробязгин. Дама светская... гордого образа жизни...

Притыкин. Хорошо она на лошади скакет...

Монахов. Н-да-а! Это, батя, она умеет... Притыкин. Вот, о приятном говоря, женский пол забыли мы, а что может быть приятнее? Я, конечно, не про супругу мою говорю...

Монахов (смеясь). Идемте, фомич, брагу пить...

(Идут вдоль плетня.)

Притыкин. Однако времени немало, пора бы уж почте быть... Посмотрим, каковы они, строители-то...

Монахов. Н-да, интересно... Картежники, наверно...

Притыкин. И выпить любят, я полагаю... а?

(Уходят. Дунькин муж является.)

Матвей. Это они инженеров встречать собрались?

Дунькин муж. На ярмарку ходили в село... для прогулки. Но, конечно, которые люди с деньгами, они всякому нужны...

(С правой стороны является Лидия Павловна в амазонке, с хлыстом.)

Лидия Павловна. Послушайте, - будьте добры подержать мою лошадь, я вам заплачу...

Матвей. Ладно... я могу...

Лидия Павловна. Пожалуйста... (Уходит направо.)

Матвей. Эх ты... какая!

Дунькин муж (завистливо и беспокойно). Вот... кабы тебя не было, пришлось бы за лошадью мне смотреть... эх! Ежели она много даст, дай ты мне хоть пятак, а?

Матвей. А может, она всего пятак даст.

(Уходят оба направо. В саду разговаривают доктор и Веселкина.)

Доктор (угрюмо). Сочиняют - в молодости...

Павлин (вставая). Осмелюсь заявить - святые отцы и в преклонном возрасте сочиняли...

Доктор. Ну-с?

Павлин. Больше ничего-с...

(Идут Притыкина и Надежда - женщина очень красивая, большая, с огромными неподвижными глазами. Сзади Богаевская.)

Надежда. Тогда он говорит ей: "Алиса! Моя любовь не умрет раньше меня, а пока я жив - я твой!"

Притыкина. Вон как! Наши мужчины и слов таких не знают...

Надежда (садится на бревно). Француз неверен, но любит страстно и благородно... Испанец в любви доходит даже до свирепости, а влюбленный итальянец обязательно ночью на гитаре играет под окном женщины, в которую влюблен.

Богаевская. Напрасно тебя, Надежда, грамоте выучили!

Надежда. Вы, Татьяна Николаевна, в таком возрасте, когда все это уже совсем неинтересно, а я...

Богаевская. А ты - только язык чешешь...

Надежда (сердечно). Подождите...

Притыкина. А я вам завидую, милая вы моя... Сколько вы любовных историй знаете, и какие всё хорошие истории! Как сны девичьи... Где же мой Архип?

Богаевская. Лидочкина лошадь стоит...

Надежда. Познакомьте меня с ней...

Богаевская. С лошадью?

Надежда (сердечно). Нет, с Лидией Павловной...

Богаевская. Вот ты, душа моя, тысячи романов прочитала, а правильно спросить не умеешь... в смешное положение ставишь себя, да!

Надежда (спокойно). Ничего... Всяк по-своему умен.

Богаевская (кричит и идет направо). Лидуша!

Притыкина (негромко). Как она грубо с вами... ай-ай!

Надежда (спокойно). Дворяне с простыми людьми всегда так говорят, и даже в романах, где все описывается лучше правды, дворяне - дерзкие... Смотрите, какая она красавица!

(Богаевская, за ней Лидия.)

Богаевская. Вот, Лидуша, Надежда Поликарповна просит познакомить ее с тобой... (Надежда приседает.) Видишь, даже приседать умеет...

(Доктор подходит.)

Надежда. Я вас знаю... вы каждый день мимо нашего дома на лошади скачете... А я смотрю и любуюсь - точно вы графиня или маркиза... Очень красиво это.

Лидия. Я часто вижу ваше лицо в окне и тоже любуюсь им...

Надежда. Благодарю вас! Похвалу красоте своей и от женщины слышать приятно...

Богаевская. Ишь ты!

Доктор (сумрачно). От женщины приятнее или от мужчины?

Надежда. Как следует оценит красоту, конечно, только мужчина...

Лидия. Как вы... уверенно сказали это...

Притыкин (кричит). Господа! Едут! Чу!

(Все прислушиваются, - звон бубенцов.)

Надежда (Лидии). Вам интересно знать, какие они?

Лидия. Кто? Тетя, нам пора идти.

Надежда. Инженеры...

Притыкин (выбегает). Сейчас приедут!

Лидия (Надежде). Нет...

Богаевская. Устала я, Лидуша... подожди!

Надежда. А я жду их, как праздника...

Притыкина. И вдруг - они старые!

Лидия (тетке, негромко). Это похоже на торжественную встречу и смешно.

Богаевская. Идем в сад... я только выпью чего-нибудь... Идемте в сад!

(Все идут за нею.)

Притыкин. Приехали... а, доктор? Интересно!

Доктор (угрюмо). Почему? Вот если бы они пешком пришли... ну, это туда-сюда!

Надежда. Какие глупости!

Богаевская. Она хотела бы видеть их верхами, в латах, в плащах...

(Уходят все направо, их медленный говор заглушает звон бубенцов. Справа медленно идет, заложив руки за спину, Редозубов - седой, суровый старик с черными лохматыми бровями. Останавливается, слушая шум на станции. Является Павлин, издали снимая картуз.)

Редозубов. Здорово... ну?

Павлин. О вашем драгоценном здравии что услышу приятного?

Редозубов. У доктора спроси. Приехали? Они?

Павлин. Именно - всеми ожидаемые инженеры; один пожилой, бритый, с усами и как бы уже несколько хмelen... другой - помоложе и весьма рыжеват. При них дама - молодая, красивая, и прислуга с нею - девица франтовитая. В двух экипажах ехали, а третий с вещами и со студентом, племянником Ивакина.

Редозубов. А он как... с ними?

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Павлин. Видимо, по бедности состояния приспособился из милости...

Редозубов. Лошадь - Богаевской?

Павлин. Ихняя. Она в Фокино ездила на прогулку... А теперь - у Дарьи Ивакиной туалет оправляет... Дарья-то ведь у них долго в горничных жила... а мать ее - их же ключница...

Редозубов (угрюмо усмехаясь). Про бабушку ничего не знаешь?

Павлин. Не припомню...

(Притыкин идет.)

Притыкин. Мое почтение, Василий Иванович!

Редозубов (не давая руки). Здравствуй...

Притыкин. Гостей встретить пожелали?

Редозубов. На что они мне?

Притыкин. Вообще. Люди городу полезные.

Редозубов (идет к станции). Ну, пускай город и встречает...

Притыкин (негромко). Врет?

Павлин. Врут. О подряде на шпалы, мечтают...

Притыкин. Ишь, старый черт! Ты, Павлин, познакомься с прислугой ихней и разузнай... вообще, как и что... понял?

Павлин. Понял.

(Оба идут к станции; в саду являются Ивакин, обрадованный, а Степан Лунин.)

Степан. Ну, как живешь?

Ивакин. Видишь - здоров: а еще чего же надо? А ты - желтоват... эх ты! Брандахлыст... Зачем в тюрьме сидел?

Степан. Без этого - нельзя. Это, брат, теперь все общая повинность, вроде воинской... А впрочем - пустяки... и ты об этом не говори, брат, ладно?

Ивакин. Тоже - брат! Я тебе не брат, а дядя...

Степан. Ну вот еще! Какой ты дядя? Просто ты - друг моего детства... Ты смотри - у меня в некотором роде борода и грива, а у тебя еще волосы не отросли...

Ивакин. Ну-ну! Пей брагу-то... а старших почитай... (Притыкин выбегает, оглядывается.) Вы чего, Архип Фомич?

Притыкин. Да вот... Эй, парень, поди сюда!

Матвей. Чего?

Притыкин. Ты меня знаешь? Беги в город, ко мне, скажи, чтобы лошадей подали к перевозу и пролетку, и бричку, и телегу еще для багажа, - понял? Катай! (Бежит к станции.)

Матвей (скрываясь). Землячок, гляди за лошадью...

Ивакин. Завертелся город Верхополье!

Степан. Что у вас с мостом?

Ивакин. Дождь шел, ну и сорвало... а голова чинить не торопится, перевоз-то в

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
его руках... Ты знаком с инженерами-то?

Степан. Служить у них буду... А как твои пчелы? Гитара? Удочки?

Ивакин. Всё в порядке...

(Идут доктор, Монахов, Дробязгин, Веселкина. Ивакин и Степан уходят из сада. На место их является Павлин, - постояв, исчезает и снова появляется во время разговора Цыганова с Дунькиным мужем.)

Монахов (с завистью). А Притыкин живо познакомился, шельма!

Веселкина. Доктор, вы заметили, какой этот молодой... точно факел!

Доктор. Ну, где вы видели факелы?

Веселкина. А на похоронах... помните - князя Хрящеватого хоронили?

Дробязгин. Какие у нее глаза! Маврикий Осипович, вы обратили внимание?

Веселкина. Глупости! Глаза вполне обыкновенные...

Дробязгин. Вовсе нет! Замечательно поэтические...

Монахов. При одной даме невежливо говорить о красоте другой дамы... вот что!

Доктор. Противно. Бросились все... как осенние мухи на огонь:

Притыкин (кричит). Доктор! Пожалуйте сюда...

Доктор. Зачем это?

Притыкин. По специальности... нужно...

Доктор (идет). Ерунда...

Монахов (с завистью). Вот и вы, батя, познакомитесь...

(Веселкина идет вслед за доктором, навстречу ей - Цыганов, изящно одетый барин, немного хмельной; она смущается и почему-то резко отворачивается от него. Цыганов вопросительно поднял брови. Дробязгин кланяется ему.)

Цыганов (дотрагиваясь до шляпы). Мое почтение... с кем имею честь?

Дробязгин (смушен). Порфирий... то есть служащий в казначействе Порфирий Дробязгин... чиновник-с!

Цыганов. А-а! Очень приятно... Скажите - в этом городе гостиница есть?

Дробязгин. Есть... с биллиардом! Прогимназия есть... женская...

Цыганов. Прогимназия? Благодарю вас, это мне не так необходимо... А извозчики есть?

Дробязгин. Три! Около церкви стоят.

Цыганов (смотрит на город). Не услышат, если позвать?

Дробязгин (улыбаясь). Где же-с! Тут - расстояние... Дунькин муж (с левой стороны). Ваше благородие! Помогите больному и несчастному...

Цыганов (доставая монету). Пожалуйста... извольте! Дунькин муж (вздрагивая от радости). Дай вам господи... пошли вам... (Захлебнулся и исчезает.)

Цыганов. Пьет?

Дробязгин. Нет. Действительно несчастный... болен и... вообще... жена у него сбежала...

Монахов (подходя). Извините, что смею...

Цыганов. Пожалуйста...

Монахов. Маврикий Осипович Монахов, акцизный надзиратель...

Цыганов. Весьма польщен... Сергей Николаевич Цыганов...

Монахов. Гостиница - грязная, позволю сообщить вам, и в ней клопы...

Дробязгин. Несомненные... и - множество!

Монахов. Вам надо снять дом Богаевской, лучший дом в городе... знаете, такой барский! Кстати, она здесь еще, кажется... Я вам сейчас устрою это... (Быстро идет; навстречу ему Анна Федоровна и Степа.)

Цыганов. Но позвольте... вы так любезны... Послушайте!

Дробязгин (срываясь с места). Сейчас я его ворочу...

Цыганов. Да нет же! Это неловко!.. убежал!

Анна. Что такое?

Цыганов. Они здесь любезны... как истинные дикари! Могу вас поздравить: в городе нет гостиниц... то есть гостиница есть, но она занята клопами.

Анна. И трудно попасть в этот город... что-то случилось с паромом...

Цыганов (манит пальцем). Послушайте... подите сюда!

(Является Дунькин муж.) Скажите - есть в вашем городе что-нибудь... замечательное?

Дунькин муж. Раки-с... агромадные раки!

(Степа пристально всматривается в него.)

Цыганов. Это недурно... иногда. Но ведь они, вероятно, в реке живут, а не в городе?

Дунькин муж. Да... в реке. Живые - они в воде.

Степа (тихо). Анна Федоровна... вот он!

Анна. Кто?

Степа. Отец мой... отец... как же быть?

Цыганов. А что же есть в городе?..

Дунькин муж. Пожарные играют на трубах... на медных трубах... Акцизный научил.

Анна. Молчите... встаньте сзади меня...

Цыганов. Громко играют?

Дунькин муж. Во весь дух!

Степа. Я уйду туда... на станцию... он не видел меня...

Цыганов. Это меня не утешает... нет! Ну, благодарю вас... возьмите себе вот это.

Дунькин муж. Ваше высокородие... (Хочет поцеловать руку.)

Цыганов (брэзгливо). Это лишнее, мой друг... идите!

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Степа (глядя вслед отцу). Нищий... Я говорила вам, что встречу его... что мне
нельзя сюда ехать... я говорила!

Анна. Вы успокойтесь! Я все устрою для того, чтобы он не трогал вас.

Степа. Я боюсь... он замучил мать... нищий!

Цыганов. В чем дело - можно спросить?

Анна. Это ее отец...

Цыганов. О-о! Это оригинально...

Анна. Только? Идите, Степа, на станцию...

Цыганов. Мы не дадим вас в обиду...

Черкун (кричит, не показываясь). Анна! Иди сюда... Анна!

Цыганов (смотрит по направлению голоса). С кем он говорит? Позвольте... черт
меня побери! Не может быть...

Анна (идя на зов). Что с вами?

Цыганов (радостно простирая руки). Лидия Павловна, это вы? Вы!

Лидия (идет навстречу). Дядя Серж.

Цыганов. Вы! Здесь, в этой Огненной Земле, у дикарей! Почему?

(в саду - Веселкина. Она гуляет, обмакивая лицо цветами. Потом приходит
Дробязгин, и они ходят рядом, прислушиваясь к разговору.)

Лидия. Я приехала к тетке... рада видеть вас! Но вы, как всегда...

Цыганов. Таков мой рок! Первое знакомство на этой земле - акцизный!

Лидия. Дама - ваша жена?

Цыганов. Моя? У меня не было и не будет собственности... А где же ваш
почтеннейший супруг?

Лидия. Не знаю, право... это меня интересует меньше всего...

Цыганов. Понять ли ваш ответ?.. браво! Вы разошлись, наконец? да?

Веселкина (слышала восклицание Цыганова). Ну-с? Чья правда?

(Дробязгин смущенно ежится.)

Лидия. Не надо шуметь...

Цыганов. Вы уже познакомились с моим товарищем?.. Жорж, иди сюда... Это мужчина
интенсивно рыжий и очень дерзкий... Ты знаешь, кто это, Жорж? Ты помнишь, я
говорил тебе всегда и много о женщине...

Черкун (пожимая руку). Да, помню... действительно, он часто говорил о вас...

Лидия. Это меня трогает...

Черкун. Но я не ждал, что встречу вас когда-нибудь... тем более в этой области
мертвого уныния...

Лидия. Вам не нравится город?

Черкун. Я не люблю пасторалей.

Цыганов. Он любит только скандалы...

(В саду является Надежда, стоит и упорно смотрит на Черкуну. Неподвижна, как статуя, лицо у нее каменное.)

Черкун. Маленькие домики прячутся в деревьях, точно птички гнезда... Это до тоски спокойно... и до отвращения мило... И ужасно хочется растрепать эту идиллию.

Цыганов. Ты познакомь ее с женой.

Черкун. Ах да! Вы позволите?

Лидия. Пожалуйста... Но как вы... резко отнеслись к бедному городу...

Цыганов. Теперь-то, я знаю, вы оцените нежность моей души и все другие мои достоинства...

Черкун. Все, что я вижу, - сразу нравится или не нравится мне.

Цыганов. У него - никаких достоинств!

Лидия. Человек из одних недостатков - это уж нечто определенное...

Цыганов (заметил Надежду). Гм... да познакомь же ее с твоей женой, Жорж!

Черкун. Анна! Вот ей, вероятно, нравится эта милая картина... она у меня любит покой, тишину, любит мечтать...

Лидия. Многие в этом видят поэзию...

Черкун. Трусы, лентяи, усталые...

Цыганов. Кто эта почтенная матрона, с которой идет сюда твоя жена?

Лидия. Это моя тетя...

Черкун. Знакомься, Анна.

Богаевская. Вот, Лидуша, представляю... они сняли у меня большой дом...

Анна. Я очень рада... что все устроилось так быстро и хорошо.

Цыганов. Да здравствует акцизный надзиратель! Это он - виновник торжества...

Лидия. Тише, - в саду его жена...

Цыганов. Это его жена?.. Гм... (Рассматривает Надежду.)

Анна. Но я так устала... хотелось бы скорее приехать куда-нибудь...

Богаевская. Сейчас подадут паром...

(Надежда медленно уходит.)

Черкун. А на берегу - нас уже дожидаются лошади этого купца... как его?

Богаевская. Притыкин... Лидуша, я поеду в лодке... распоряжусь там... надо для них...

Анна. О, не беспокойтесь...

Черкун. Мы не беспомощны...

Лидия (тетке). Подожди! (Анне.) Вы ездите верхом?

Анна. О нет!

Лидия. Жаль. Я хотела предложить вам мою лошадь... Там, выше по реке, есть

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
брод...

Анна. Благодарю вас... я боюсь лошадей... Я видела однажды, как лошадь убила мальчика... С той поры мне кажется, что всякая лошадь хочет убить человека.

Лидия (улыбаясь). Но в экипажах вы ездите? Не боитесь?

Анна. Нет, не так. Там впереди меня сидит кучер или извозчик.

Черкун. Может быть, это очень трогательно, Анна, но ей-богу... неостроумно!

Анна. Я вовсе не пытаюсь быть остроумной...

Цыганов (Лидии). Итак, я сновавижу вас!..

Черкун. Иногда следует попытаться, знаешь ли!

Цыганов. Ведь это почти чудо, а?

Лидия. А может быть, это только доказательство, как тесна жизнь?

Богаевская (Анне). Вы посмотрите, какой нарядный городишко... (Отводит Анну ближе к плетню.)

Цыганов. Вы стали еще красивее... И что-то новое явилось у вас в глазах...

Лидия. Вероятно, это скука...

Черкун. Вам скучно?..

Лидия. Мне кажется - жизнь вообще не очень весела.

(Идет Редозубов со стороны станции. Подходит, останавливается, кашляет. Его не замечают. Поднимает руку к фуражке, - быстро опускает ее, как бы испугавшись, что это движение замечено.)

Черкун. Не ожидал, что вы так скажете...

Лидия. Почему?

Черкун. Не знаю... Но мне казалось - вы иначе должны смотреть на жизнь...

Лидия. Что такое жизнь? Люди. Я много видела людей, они однообразны...

Редозубов. Я - здешний градской голова...

Василий Иванов Редозубов... голова.

Черкун (холодно). Что же вам угодно?

Редозубов. Я к старшему. Вы - начальник?

Цыганов. Мы оба начальники, - можете это представить?

Редозубов. Все равно. Вам лес на шпалы понадобится?

Черкун (сухо). Милейший, о делах я буду говорить через неделю, не раньше...

(Пауза.)

Редозубов (удивлен). Вы... может, не того...

Черкун. Что?

Редозубов. Я сказал... я, мол, голова здешний...

Черкун. Я это слышал... ну-с?

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Редозубов (сдерживая гнев). Мне шестьдесят три года... я староста церковный...
весь город мне подчинен...

Черкун. Почему вы думаете, что мне нужно знать все это?

Цыганов. Почтеннейший! Когда мы несколько придем в себя - мы обязательно примем
во внимание все ваши редкие качества...

Черкун. А пока оставьте нас в покое. Когда будет нужно - мы вас позовем!

(Редозубов, смерив Черкуна гневным взглядом, молча идет прочь.)

Анна. Зачем ты... так обидно, Егор? Он же старый...

Черкун. Нахал! Я знаю таких... Это не голова, а - пасть... глупая и жадная
пасть... я знаю...

Цыганов (Лидии). Как вам нравится этот рыжий буян?

Лидия (сухо). По совести - не очень.

Богаевская. Лида, нужно идти.

Анна. Мой муж всегда немного резок... но в сущности...

Черкун. Он мягок и добр, - ты это хотела сказать? Не верьте ей... Я именно
таков, каким кажусь...

Лидия. До свиданья... Ой! Этот человек не умеет обращаться с лошадью... (Быстро
идет направо, за ней Богаевская.)

Богаевская. Так мы вас ждем...

Цыганов. Благодарим и не замедлим.

Анна. А где этот студент... наш студент?

Черкун (смотрит на город). Не знаю.

Анна. Можно его попросить, чтобы он посмотрел за вещами, как ты думаешь? Степе -
неудобно...

Черкун. Он - не лакей...

Цыганов. Жорж! Ты смотришь на этот город, как Атилла на Рим... До чего все
измельчало на свете!

Черкун. Отвратительный городишко... У этой женщины были любовники?

Цыганов. Однако, брат... это вопрос!

Анна. Егор! фи!

Черкун. Что? Ты шокирована? Ты не знаешь, что многие женщины имеют любовников?

Анна. Об этом не говорят так...

Черкун. Они не говорят, я - говорю. Это безнравственно?

Анна. Неприлично и... грубо.

Черкун. Я думал - безнравственно. Были, Сергей?

Цыганов. Не знаю, мой друг. Не допускаю... И если мне скажут про нее
что-нибудь... в этом роде - не поверю...

(Идут Притыкин, Дунькин муж.)

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Притыкин. Пожалуйте, готово! Вещи ваши унесли на паром; прошу покорно!

Цыганов. Благодарю вас! Захлопотались вы, а?

Притыкин. Помилуйте!.. Пустяк... к тому же долг гостеприимства...

Цыганов. Вы - милейший человек, право! А скажите - что у вас здесь пьют?

Притыкин. Всё!

Цыганов. А что предпочитают пить?

Притыкин. Водку...

Цыганов. Вкус грубый, но - здоровый...

(Проходят.)

Черкун (Анне). Идем...

Анна (берет его под руку). Почему ты вдруг стал такой... сумрачный? Скажи!

Черкун. Я устал...

Анна. Это неправда... ты никогда не устаешь...

Черкун. Ну, так влюбился...

Анна (тихо). Зачем так грубо, Егор? Зачем?

Дунькин муж (подходит). Ваше сиятельство...

Черкун. Пошел прочь...

Анна (дает монету). Возьмите...

(Уходят.)

Матвей (выскакивает). Сколько дала?

Дунькин муж. Двугривенный. А всего мне попало рубль двадцать...

Матвей. Эх ты... А мне - два пятака...

Притыкин (кричит). Эй, парень!

Матвей. Бегу... (убегает. Через плетень лезет Павлин.)

Павлин. Рубль двадцать, говоришь?

Дунькин муж (робко). Рубль двадцать.

Павлин. Покажи-ка... Н-да, верно... А за что? а? На, паршивец! Ступай... стой!
Сказал бы я тебе одну штучку... сказать?

Дунькин муж. Помилуйте, Павлин Савельич...

(Редозубов идет.)

Павлин (строго). Иди, иди! Чего трешься тут:

Редозубов. Ушли?

Павлин. Ушли...

Редозубов. С девицей ихней о чем говорил?

Павлин. Вообще... но ничего не мог... Я даже рубль ей дал.

Редозубов. Зачем? Она может сказать, что ты подкупал ее...

Павлин. Я - мысленно дал, Василий Иванович... Я только подумал - а что если я ей дам рубль? И решил - не поможет! Избалованная девица... (Редозубов смотрит на город, не слушая.) Василий Иванович! А ведь она беглая, Дунькина мужа дочь... сама в этом созналась...

Редозубов (вдруг, строго). А ты знаешь, что мне сам губернатор руку подает?

Павлин (благоговейно). Как же не знать! Это все знают:

(Пауза. Из окна доносится голос Степана.)

Редозубов (негромко). Кто это говорит?

Павлин (тихо). Ивакина племянник... студент...

Редозубов (так же). Молчи...

(Слушают. Где-то жалобно воет собака, дергает коростель.)

Степан. Вот построим новую дорогу и разрушим вашу старую жизнь... (Смеется.)

Редозубов (негромко). Слышал?

Павлин (убежденno). Врет он...

Редозубов. Помни! (Идет прочь. Павлин за ним.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сад Богаевской. На деревьях растянута парусина, под ней простой, некрашеный стол, очень большой; за столом Черкун, перед ним ворох бумаг, карты, чертежи. Дом - с левой стороны, к нему ведет широкая дорожка, в глубине сада - забор. Под деревьями налево, в плетеном кресле, сидит Анна с книгой в руках.

Анна (потягиваясь). Тебе жарко?

Черкун. Конечно.

Анна. А Сергея Николаевича все нет... Ты всегда больше работаешь - и всегда ты вместе с ним. Почему?

Черкун (не поднимая головы). Он имеет то, чего у меня мало, - опыт, знания...

Анна. Но он такой... распущенный.

Черкун. Знания ценнее нравственности...

(Пауза.)

Анна. Какие любопытные все здесь. Подсматривают за нами, следят... Наивные люди...

Черкун. Говоря проще - идиоты...

Анна. Вот и теперь в соседнем саду кто-то ходит вдоль забора и смотрит в щели. Я вижу, как блестят глаза.

Черкун. Черт с ними... пускай блестят...

Степан (идет). Ну-с, нанял я этого Матвея Гогина, вот его паспорт...

Черкун. Не давайте: она сунет его куда-нибудь и потом будет спрашивать у меня, куда сунула... Это не очень забавно...

Степан. Ну, люди здесь! Удивительная дичь! Смотришь на них и начинаешь сомневаться в будущности России... А как подумаешь, сколько тысяч сел и городов населено такими личностями, - душой овладевает пессимизм во сто лошадиных сил...

Черкун. Пессимизм для рабочего человека - излишен, как белые перчатки. Что, каков этот Матвей?

Степан. Кажется, не очень глуп... Вот он сам идет. Я вам не нужен?

(Матвей подошел. Одет чище, чем в первом акте.)

Черкун. Нет. (Матвею). Ну-с, что скажете?

Матвей. Хочу поблагодарить вас, барин, за то, что взяли меня...

Черкун. Меня зовут Егор Петров, я так же, как и вы, крестьянин, а не барин. Благодарить нам друг друга не за что: вы будете работать, я буду платить вам деньги. А если вы вздумаете жульничать, я вас прогоню и отдаю под суд... Это понятно?

Матвей. Понял. Уж постараюсь вам...

Черкун. Увидим... Идите.

Матвей (подумал, помялся). Покорно благодарю...

Черкун (взглянув на него). Все-таки?

Матвей. Чего-с?

Черкун. Ничего! Ступайте...

(Пауза.)

Анна. Как ты требовательно относишься к людям, Егор...

Черкун. Так они относились ко мне...

(Пауза.)

Анна. Тебе нравится Татьяна Николаевна?

Черкун. Ее племянница - больше.

Анна. Зачем ты дразнишь меня?

Черкун. Зачем позволяешь? Протестуй...

(На заборе показывается голова Гриши Редозубова.)

Анна (пугливо). Смотри, Егор! Смотри...

Черкун (удивлен). Вам что нужно?

Гриша (улыбаясь). Ничего. Я так... из любопытства только...

Черкун. Вы кто?

Гриша. Редозубов... сосед ваш...

Анна. Как он добродушно улыбается! Ты предложи ему, пусть идет сюда...

Черкун. Ну... идите же к нам! Познакомимся, что ли...

Гриша. Мне тут не перелезть... я - толстый...

Анна (смеясь). А вы идите через ворота...

Гриша. Мм... улицей, значит? Ладно... (Исчезает; идет Цыганов.)

Анна. Какой смешной!

Черкун. Вот тебе и развлечение.

Цыганов. Хотел уснуть и - не мог, черт побери! Летают уездные мухи джж, джж! И с размаха в стекло - бумб! Садятся на нос, щекочут...

Черкун. И, вероятно, голова болит со вчерашнего...

Цыганов. Да-а, знаешь... радушная встреча инженеров в уездном городе для меня сошла не совсем благополучно... Что такое они здесь пьют?

Черкун. Притыкин называет это зверобоем...

Цыганов. Штука высокого давления... Ты знаешь, Жорж... такая странность! у меня, видимо, начинается... отрыжка, что ли. Вдруг сегодня вспомнил эту... брюнеточка такая... как ее звали? Хористка из оперетки... она потом утопилась в Мойке... ты знал такую?

Черкун. Нет...

Цыганов (задумчиво). Маленькая... милые глазки... И вот сейчас одна муха, которой я поджег папиросой крылья, почему-то напомнила мне эту девочку... как ее имя?

Анна (смотрит по направлению к дому). Что это? Он... смотрите!

Цыганов. Галлюцинация?

Черкун. Фу, болван какой!

Гриша (в тяжелой меховой шубе). Вот и я... ф-фу! Трудно мне!

Черкун. Послушайте вы... тип! Зачем это вы так нарядились?

Гриша (улыбаясь). В шубу-то? Это меня отец выпаривает... чтобы я похудел: мне осенью в солдаты идти... так вот он жир из меня выпаривает...

Цыганов. Остроумно...

Черкун. И вы позволяете так издеваться над собой?

Гриша. Чего же? С ним много не поспоришь... дерется. Да, может, и в самом деле, если похудею, не возьмут в солдаты-то!

Черкун. Ну, вот что - снимите шубу. На вас противно смотреть. Как вам не стыдно? Над вами, наверное, девицы смеются, - подумайте! Что за уродство! Вы должны сказать отцу, что больше не хотите... носить шубу в жару, - понимаете?

Гриша. Да-а, скажи-ка ему... попробуй!

Цыганов. Послушайте, юноша: а вдруг отец сядет на вас верхом и в праздник по улице возить себя заставит?

Гриша. Ну, он срамиться не станет: он гордый!

Черкун (настойчиво). Снимите шубу!..

Гриша (снимает). Ладно... только бы он не увидал!

Анна. Вы его любите, да?

Гриша (не сразу). Старый он... скоро, чай, помрет... тогда уж я сам себе хозяин буду!

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Черкун. Ступайте домой и пошлите его ко мне.

Гриша (изумлен). Это кого - отца... послать?

Черкун. Ну да... он дома?

Гриша (теряется). Да... как же я скажу? Ишь вы! Послать... тоже! Разве можно? Он первое лицо...

Черкун (вскакивая). О, черт возьми! (Идет к забору.)

Гриша (пугливо). Что вы? Что он делает? Сударыня... Я уйду... ну вас тут! Вот озорник!

Черкун. Сергей! Не пускай его... (Кричит через забор.) Эй, кто там? Эй!

Анна (смеется). Егор! Право же, это лишнее:

Гриша. Сударыня! Это озорство! Заманили меня... а теперь... я уйду... что такое?

Цыганов. Юноша, будьте героем! Для этого вам нужно только смирно ждать... садитесь!

Черкун (через забор). Это вы? Пожалуйте ко мне... что? Да, сейчас!

Редозубов (за забором). Григорий! Гришка!

Гриша (испуган). Зовет... у-у-у! Батюшки!

Черкун. Он здесь, у меня...

Цыганов. Вот двигается еще один образец местной фауны...

Гриша (со страхом). Раз! Это Палагея Притыкина... ну!

Цыганов. Знаете что, вам надо выпить для храбрости... это помогает!

Гриша. давайте... скорее! Ах ты... ну уж...

Анна (хочет). да полноте... ох, какой вы... чудак! Степа!

Притыкина. Здравствуйте!

Цыганов (кланяясь). Что вам угодно?

Притыкина. Татьяна Николаевна дома?

Цыганов. К сожалению, это мне неизвестно...

(Степа идет.)

Притыкина. Ах, Гриша! Здравствуй.

Гриша (бормочет). Ну вот... теперь началось...

Черкун. С вами здоровается дама, а вы сидите...

Анна (Степе). Принесите портвейн и ликер...

Цыганов. И коньяк, и водку...

Гриша. Я ее знаю...

Притыкина. Мы знакомы, как же! А это - ваша супруга? Какие они красавицы у вас...

Черкун. Она тоже не знает, где Татьяна Николаевна...

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Степа приносит поднос с бутылками.)

Притыкина. Это мне не очень интересно. Я ведь, коли правду сказать, не к ней, а к вам пришла... ее-то я всегда видеть могу, а вот с вами мне лестно познакомиться...

Черкун. Анна! Это к тебе, я думаю...

Цыганов (Анне). Я уверен, что это к вам... Ну-с, юноша, вам чего дать?

Гриша. Которое злее...

Притыкина. Нет, я ко всем. Супруга ваша, конечно, со стороны туалетов, но и вы, судари мои, тоже очень интересные...

Гриша (выпил). Ух! Сладко, а... здорово!

Цыганов (кланяясь Притыкиной). Весьма польщен... Юноша, запомните: эта влага называется - шартрез...

Анна (Притыкиной). Садитесь, пожалуйста...

Притыкина. Мерси! Я давно говорю Архипу, мужу то есть: "Окаянный! Познакомь с инженерами!" А он стращает: "Они, говорит, строгие". А вы вовсе не строгие, но, конечно, образованные и потому гордые... Что же? Всякому человеку погордиться хочется, - мы вот деньгами гордимся, а вы - науками... А у кого нет ничего, тот уж - что он? Вроде младенца, который год прожил да и помер, и сказать про него нечего! Я этак-то родила...

Анна (быстро встает). Может быть, вы пройдете туда, на веранду?

Притыкина. С удовольствием, дорогая вы моя, пройдусь! Какая вы приветливая, какая милая... И так я рада, что вы приехали, так рада! Городок у нас - милый, красивый, и кругом всё окрестности... и лесные окрестности, и полевые, и болотные... и клюква, уж столько клюквы!

Цыганов (посмотрел вслед дамам). Занятно, Жорж, право... интересная женщина!

Гриша (вдруг засмеялся). Она - дуреха!

Черкун. Что?

Гриша. Дура, говорю, она. Старая, а вышла за молодого замуж... Богатая она... Он все забрал у нее, а сам, конечно, бегает... Он - ловкий! Ух... отец идет! Заслоните меня... я еще хвачу...

(Цыганов закрывает собою Гришу. Гриша наливает большую рюмку ликера, быстро проглатывает ее и дико таращит глаза. Идет Редозубов, глядя исподлобья на Черкунова, за ним - Павлин с толстой тетрадью подмышкой.)

Редозубов (не кланяясь). Гришка! Ты чего тут делаешь?

Гриша (ухмыляясь). Так... ничего...

Черкун. Это я его пригласил...

Редозубов. Зачем?

Черкун. Нужно.

Редозубов. А он меня спросил, можно ли идти?

Черкун. Зачем?

(Молча смотрят друг на друга.)

Редозубов. Я его отец...

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Черкун. Ну-с, долго разговаривать мне некогда... Ваш сын должен снять эту дурацкую шубу. Что за глупость!

Редозубов (удивлен). Позволь... что такое?

(Павлин осторожно отодвигается в сторону от Редозубова.)

Черкун. Если же он будет носить шубу, - я напишу воинскому начальнику, что вы заставляете вашего сына уклоняться от исполнения воинской повинности... вы поняли?

Гриша (вдруг). Папаша! Желаю в солдаты... ей-богу!

Черкун. Вы поняли? Это - уголовное преступление...

Редозубов (растерян). Погоди! По какому праву? Павлин, будь свидетелем... Гришка, ступай домой...

Гриша. Папаша! Не могу я похудеть... не могу!

(Притыкин стоит слева за деревьями.)

Редозубов (спокойнее). Ты, господин, приехал дорогу строить... Страй! Я тебе не мешаю... и ты в чужое дело не мешайся, да! И... и глаза на меня... зеленые глаза - не таращи... Григорий, домой! А я - жаловаться буду... я к губернатору поеду...

Цыганов (с ласковой улыбкой). И приедете на скамью подсудимых... Это в шестьдесят-то лет! Будучи городским головой, церковным старостой, кумом пожарного и прочее и прочее... Такая блестящая карьера и такой мрачный конец! Вы представьте себе это...

Редозубов. Григорий, иди домой, собака! Не слушай... не гляди на них...

Гриша (пьяно заплакал). Они тебя... в острог! И меня... в острог!

Редозубов (хватает его за руку). Иди, пес... (Быстро идет прочь.)

Черкун (вслед, спокойно). Почтенный, если вы побьете сына - это будет стоить вам дорого... (Идет за ними.)

Притыкин (удивлен). Испугался! Василий Иванов Редозубов - испугался!

Цыганов. Любит почет, а?

Притыкин. У-у, страсть! Ежели в могилу человека с почетом несут - он и тут завидует, так бы на его место и лег! Столбы каменные видели перед его домом? Улицу он ими загородил - хотел парадное крыльце построить, как у князя Хрящеватого. Запретили ему портить улицу - седьмой год судится, не хочет уступить... И никогда никому он не уступал...

Павлин (выступает и докладывает, считая на пальцах). Человек, заметить смею, жестокий: одну супругу в гроб забил, другая - в монастырь сбежала, один сын - дурачком гуляет, другой - без вести пропал...

Цыганов. Позвольте, мой дорогой, вы - что такое?

Павлин. Я-с... Меня все здесь знают...

(Пришла Степа, собирает со стола бутылки и уносит их.)

Притыкин. Дружок Редозубова-то... тоже - перец!

Павлин. Я со всеми людьми желаю дружно жить...

Цыганов. Вам угодно что-нибудь от меня?

Павлин. Точно так. Вот сочинение мною написано... и как вы человек ученый, то
Страница 22

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
желал бы я знать ваш взгляд, о чем и прошу вас усердно. Называется оно:
"Некоторое рассуждение о словах, составленное для обнажения лжи бескорыстным
любителем истины"... девять лет писал...

Цыганов (берет тетрадь). О чём же вы здесь рассуждаете?

Павлин. Против новых слов я... Как поступки человеческие остались с древности
неизменны, а названия им даны другие, то я и противоречу этому... Вообще -
против новых слов.

Цыганов. Что такое - новые слова?

Павлин. Например: раньше говорилось - ябеда, а теперь говорят корреспонденция...

Притыкин. Это он про то, как его в газете обругали за донос на учителя...
Небось, голове Редозубову ты ни в чём не противоречил...

Павлин. Куст дерево тенью не покроет, Архип Фомич! Он выше меня по значению
своему в городе... Недоступное - недосягаемо!

Цыганов (идет к дому). Хорошо, я посмотрю вашу рукопись...

Павлин. Чувствительно благодарен...

Цыганов. Вы зайдете как-нибудь...

Павлин. Сочту долгом...

(все трое уходят. Над забором Редозубова появляется Катя, - она внимательно
осматривает сад. Слышен голос Черкунова, - Катя исчезает. Идет Черкун, с ним
Анна.)

Анна. Так издеваться над людьми за то, что они глупы, нехорошо!

Черкун. Они - злы...

Анна. Все равно - от глупости...

Черкун. Ну, я знаю, что ты скажешь...

Анна. Как тяжело с тобой, Егор!

Черкун. Тебе - тяжело? Мне пока только скучно... (Садится за стол.) Тебя там
ждут эти... гости...

Анна. Иду. Ты... не хочешь поцеловать меня?

Черкун. Нет...

(Анна, быстро повернувшись, уходит. Черкун работает. Над забором снова
появляется Катя, - бросает камень в Черкунова. Потом палку. Исчезает.)

Черкун (по направлению к забору). Эй вы, дикарь! Я не терплю таких шуток!

Катя (за забором). А мне наплевать на вас... слышали?!

Черкун (встает). Вы - женщина?

Катя. Не ваше дело... рыжий!

Черкун. Если вы и женщина... то все-таки и грубо и глупо швырять камнями...

Катя. А вы смеете обижать людей?

Черкун. Каких людей?

Катя. Ага, каких... Отца и брата...

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Черкун. Ах, вот что! Но - все же нечестно из-за угла кидаться... вы бы показались, что ли...

(Идет Степан и удивленно смотрит на Черкуна.)

Катя. Вы думаете, я боюсь вас?

Черкун. Могу подумать и это... Но вернее, вы - очень некрасивая.

Степан. Это вы с кем же беседуете, патрон?

Черкун. С дамой...

Степан (оглядываясь). А... где она?

Черкун. Там...

Степан. Ничего не понимаю! Вас хочет видеть исправник...

Черкун. Ну, что такое?

Степан. Не знаю. Пойду посмотреть даму...

Катя. Попробуйте-ка!

Черкун (уходя). Вы осторожнее... Она швыряет в мужчин палками.

Катя. Я только в рыжих...

Степан. Значит, меня вы не стукнете палкой?

Катя. Влезайте... увидите!

Степан. Гм... страшно! А все-таки - полезу!

Катя (является на заборе). Не нужно... Если увидит отец, он вам задаст. Что вам надо?

Степан. Ничего. А вам?

Катя. Когда придет рыжий - я непременно камнем в нос ему...

Степан. Ого! За что?

Катя. Уж я знаю! Скажите, красивая дама - законная жена рыжего?

Степан. А вам зачем знать это?

Катя. Нужно, значит. А он ее любит?

Степан. Вы об этом у него спросите... или у нее...

Катя. А вы будто не знаете?

Степан. Я не опытен в этом...

Катя. Как же... притворяйтесь! Все студенты - распутные, в бога не веруют и читают запрещенные книжки... я ведь знаю! И вы читаете запрещенные книжки?..

Степан. Грешен...

(Идет Цыганов, останавливается и с улыбкой слушает.)

Катя. Ах вы... бесстыдник! Зачем же вы это делаете?

Степан. Так, знаете... привычка!

Катя (негромко). дайте мне одну... только которая интереснее... хорошо? я очень

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
люблю читать... ай! (исчезает. Степан оглядывается.)

Цыганов. Похвально, юноша!

Степан (смушен). Ну... уж вы сейчас... Совсем ничего нет особенного... просто она просила книг... конечно, через забор... ну что ж такое?

Цыганов. Да я же ничего не говорю!

Степан. Но... вот вы улыбаетесь...

Цыганов. Не красно говорите, - значит, еще не влюбились...

Степан. Вот... любовь! К чему это?

Цыганов. Я тоже часто спрашивал себя - к чему? Но это мне не помогало, юноша, и я влюблялся... А она хорошенькая, знаете... такая чертовочка растрепанная... Желаю успеха... (Возвращается, взяв со стола сверток карт. Степан смотрит на забор, потом - хочет влезть на него. Идут Богаевская и Надежда.)

Богаевская. Это вы зачем же на стену-то лезете, молодой человек?

Степан. Я фуражку... повесил фуражку, а она упала туда...

Богаевская. Да ведь фуражка на голове у вас?

Степан. Это - не та... та была... другая...

Богаевская. Вы, кажется, голову потеряли, а не фуражку... Надежда Поликарповна, вот познакомься - Степан Данилович Лукин...

Надежда (внимательно осматривает). Очень молоденький...

Богаевская (закуривает папиросу). Ну и оставим его лазить по заборам... Вот все сюда идут... Ах, Надежда, говори ты меньше, - может быть, умнее покажешься людям...

(Степа является, приносит корзину с посудой, бутылками лимонада, ликером, собирает со стола бумаги, покрывает стол скатертью. Несколько времени спустя приходят доктор, Цыганов, Анна.)

Надежда (спокойно). У меня очень большой ум...

Богаевская. Не ври! Подумай - ведь кроме любви этой твоей... ты ни о чем не можешь говорить...

Надежда. Ни о чем не могу...

Цыганов (доктору). Сначала мы с вами выпьем, доктор, не так ли?

Доктор. И потом выпьем.

Цыганов. И потом, разумеется... Степа, готово? Вот... (Возится с бутылкой. Доктор тяжелым, неподвижным взглядом смотрит на Надежду. Анна подходит и садится рядом с ней.)

Анна. А должно быть, вам скучно жить здесь?

Надежда. Некоторые жалуются на это... А мне не скучно: я целые дни книжки читаю или сижу и думаю...

Анна. Вы что читаете? Романы?

Надежда. А что же еще? Был здесь один служащий в земстве, застрелился он потом...

Анна. Застрелился? Отчего?

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Надежда. Не знаю...

доктор (угрюмо и зло). От любви к ней...

Богаевская (укоризненно). Эк вы, батюшка...

Надежда (спокойно). Он давал мне какие-то другие книги, не романы... но они скучные были, и я их не читала...

Цыганов. А здесь, в городе, в жизни - бывают романы?

Надежда. Как же без этого? И здесь влюбляются...

Анна. Должно быть, жалка эта местная любовь...

Надежда. Любовь везде одинакова, если она настоящая...

Цыганов. А что такое - настоящая любовь?

Надежда. Которая на всю жизнь...

Цыганов. Гм... да! Вы много прочитали романов... Вам, вероятно, часто объясняются в любви...

Надежда. Нет, не очень... Вот служащий этот, который застрелился, письма мне писал, а до него - земский начальник говорил (доктор медленно отходит в сторону) - но после этого поехал на охоту, простудился там пьяный и в три дня умер...

Анна (вздрогнув). Умер?

Надежда. Да. Не нравился он мне. Пил много, носом сопел, и лицо у него было красное. Теперь вот доктор говорит, что влюблен в меня...

Богаевская (с упреком). Матушка ты моя! Помолчать бы тебе! (встает, идет к дому. Среди деревьев стоит доктор и неподвижно смотрит на Надежду.)

Анна (подавлена). Как вы рассказываете... просто!

Цыганов (серъезно). А вы... как относитесь к нему?

Надежда. Никак. Он на мужа моего похож...

Цыганов. Что вы! Мне кажется - нисколько!

Надежда. Нет, похож. С лица - не похож, а по душе они родные. Оба рыбу ловить любят, а кто любит рыбу удить - он все равно что полумертвый: он сидит над водой, как будто смерти ждет...

Цыганов (Анне). Тут есть какая-то правда...

Анна. Это понравилось бы Егору...

Надежда. Какие у вашего супруга глаза обаятельные! И волосы... как огонь! И весь он - отличный мужчина... как увидишь - не забудешь! А у здешних мужчин у всех глаза одинаковые, и даже... как будто нет у них глаз...

Анна (негромко). Какая вы... странная!

Цыганов (медленно). Д-да-а... я бы даже сказал - страшная...

Надежда (впервые улыбаясь). Вы это - серьезно?

Цыганов. Мое честное слово!

Надежда. Вот доктор тоже говорит...

Анна (тихо). Бедный доктор...

Варвары. Максим Горький gorkiy Maxim.ru
(Раздается смех Монахова. Идут Черкун, исправник. Монахов, Лидия, Богаевская.)

Черкун. Анна! Яков Алексеевич уходит...

(Остается в стороне с Лидией.)

Анна. Вы не хотите посидеть еще?

Исправник. Благодарствую! На первый раз - довольно. А знаете, Сергей Николаевич, я как-то так... незаметно - выпил весь херес. Действительно, адское вино!

Цыганов (рассеянно). Вы подождите - вот я скоро получу кое-что в этом роде...

Исправник. Жду! Нетерпеливо жду! (Хохочет.)

Монахов (подходит к доктору). Что, батя, а?

Доктор. Ничего... думаю - надо пива выпить...

Монахов. Пей! Тоска пройдет...

Исправник. Итак, завтра прогулка в лодках? В пять вечера пришлю за вами пожарных лошадей... А музыку - угодно?

Богаевская. Ну, уж избавьте, батюшка... какая радость, если уши лопнут? Да пожарные и в городе могут понадобиться.

Исправник. Чур меня! Я не люблю пожаров и вообще - жары! (Хохочет.) До свиданья, господа! Ужасно рад, что в моем городе будут жить такие люди... и прочее... не умею говорить речей...

Надежда. Вы на лошадях?

Исправник. Всенепременно. Вас доставить на дом? Прошу!

Цыганов. Куда вы, Надежда Поликарповна? Посидите!..

Надежда. Пора домой... до свиданья... Маврикий, я еду домой... до свиданья, Анна Федоровна!

Монахов. Домой? Чудесно, Надя...

Анна. Я всегда рада буду видеть вас...

Цыганов. Я - тоже...

Исправник. Ее приятно видеть, а? Вашу руку, мадам! Анна Федоровна, будьте здоровы! Сергей Николаевич, так я жду... кое-чего! Почтенная Татьяна Николаевна, доброй ночи...

Богаевская. Рано пожелал, батюшка... больно щедр!

Исправник. Для вас - мне ничего не жалко... А знаете, я благодарен голове, хоть он и вздорный мужик... Не пожалуйся он на вас - еще когда я познакомился бы с вами! Всех благ!.. (Идет с Надеждой.)

Анна (идет к доктору). Доктор, хотите пройтись по саду?

Доктор. Пожалуй... идемте.

Анна. Хоть бы сказали - с удовольствием...

Доктор. Я разучился говорить человеческим языком...

(Идут, разговаривая. Черкун и Лидия, говоря вполголоса, оба серьезные, идут к столу. Цыганов, сосредоточенно смотревший вслед Надежде, наливает себе большую рюмку чего-то и пьет. Монахов, стоя около стола, одобрительно щелкает языком.)

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Черкун. Ну, Сергей, ты пьешь насмерть!

Цыганов. Поучись галантности у исправника, мой друг...

Черкун (Лидии). Извините меня... На минуту, Сергей... Послушай, эта глупая баба, жена акцизного, смотрит на меня такими жадными глазами...

Цыганов. Ты глуп, Жорж... как это приятно мне!

Черкун. Нет, серьезно... мне неловко...

Цыганов. Иди! Тебя ждут... (Черкун, пожав плечами, идет к Лидии). Маврикий Осипович, - ликеру?

Монахов. Не откажусь от удовольствия и в смертный час...

Цыганов. Правильно. И сигару... Вы в карты играете?

Монахов. А на что ж природа руки мне дала?

Цыганов. Э, да вы еще и остроумный человек. Обладатель такой прекрасной женщины (Монахов смеется) - приятный собеседник...

Монахов (вдруг). Хотите пари?

Цыганов. Какое пари?

Монахов. Держу сто целковых против ваших пятидесяти, что вы влюбитесь в мою жену! Идет?

Цыганов (внимательно смотрит на него и - с изящным нахальством барина). Вы ничего не имеете против этого?

Монахов (чертит пальцем в воздухе). Ноль! Благословляю!

Цыганов (усиливая тон). А если - представьте казус! - она в меня влюбится?

Монахов. Держу пятьсот против ста за нет!

Цыганов (смеясь). Вы - премилый человек... Но пока - оставим это, а? И поиграем в карты... Зовите доктора.

Притыкин там с нашим студентом занят проверкой счетов... возьмем его, - ведь он не опаздывает обокрасть нас, не так ли? (Идет в дом. Там Анна играет на пианино что-то грустное.)

Монахов. Конечно!

Цыганов. Люди становятся мельче, жулики - крупнее.

(Монахов хохочет. Из-за деревьев выходят Черкун и Лидия, идут медленно, останавливаются у стола и говорят стоя.)

Черкун. Вы долго будете здесь жить?

Лидия. Не знаю. Вероятно, месяц...

Черкун. Я - до зимы почти... до поздней осени...

Лидия. Я не люблю маленькие города: в них живут ничтожные люди... Когда я среди них, я спрашиваю себя, почему же они люди?

Черкун. Да, да!.. Среди них застывает энергия. В больших городах она кипит день и ночь. Там неустанно трение враждебных сил, там никогда не прерывается битва за жизнь. Горят огни. Звучит музыка. Там все, чем жизнь красна.

Лидия. Большой город, он - как симфония. Как сказочный зал волшебника, где всё есть и всё можешь взять. Там - хочешь жить!

Черкун. Да, жить! Я хочу жить много, жадно... Я видел, я испытал все пошлое, все тяжелое. Было время - меня унижали только за то, что я хотел есть. А вы не знаете, как унижают человека за то, что у него нечистое белье и не острижены вовремя ногти?

Лидия. Я вижу - вам было плохо...

Черкун. Ну да! Мне очень нужно посчитаться с людьми за прошлое, очень! Во мне нет жалости, нет снисхождения к тем жадным и тупым животным, которые командуют жизнью... И бессилие тех, которые подчиняются, меня приводит в ярость...

Лидия. Вам и теперь нехорошо живется?..

Черкун. Теперь? Да... и теперь...

Лидия (широким жестом указывая вокруг). Вам нужно не это, - нужно широкое поле битвы. Мне кажется, вы способны на что-то крупное... большое... Вы такой... прямой... Но - умеете ли вы оценить себя? Оценить себя выше - это не ошибка, можно подняться, прыгнуть; но понизить цену себе - это значит наклониться, чтоб другие прыгали через твою голову.

Черкун. Я понимаю это...

Лидия. Мне кажется - человек не должен иметь много, но пусть то, что он имеет, будет великолепно! Не нужно быть жадным... не нужно загромождать свою душу дешевым, мелким... Жизнь сделается красива тогда, когда люди будут желать редкого...

Черкун. Вы - романтичны.

Лидия. Разве это плохо... если это так? Кто это?

(Идет дунькин муж. Он еще более оборван, чем в первом действии. Пьян и шагает смело.)

Черкун. Что вам угодно?

Дунькин муж (вдохновенно). Позвольте вам сказать... я - отец!

Черкун. Чей отец?

Дунькин муж. Ее... которая у вас... горничная... Степанида... Она беглая... от меня. И я - требую... потому - отец! Что поделаете? Могу требовать...

Черкун (Лидии). Вот почти таким был мой отец...

Лидия. Прогоните его, - он противен...

Черкун. Что вам нужно?

Дунькин муж. Жалованье... дочь - чья? Моя. И жалованье - мое, оттого я и требую... А то - возьму ее, дочь свою... Павлин говорит: никто не может держать у себя чужую дочь... если она беглая... а отец всегда может требовать жалованье... Павлин говорит...

Черкун. Вы - не отец. Родить ребенка - это еще не значит быть его отцом... Отец - это человек, но разве человек - вы?

Лидия (усмехаясь). Как вы молоды! Он не поймет; зачем вы говорите?

Черкун. Да, не поймет... Ну, вы... ступайте прочь!

Дунькин муж (отступая). А... жалованье?

(Идет Анна, остановилась, смотрит.)

Черкун. Ступайте прочь!

Дунькин муж (испугался и несколько отрезвел). Ну ничего... я уйду... только - дайте хоть полтинник!

Лидия (бросая монету). Идите...

Черкун. Живее! Но?

(Дунькин муж, не оглядываясь, исчезает. Из кустов смотрит Анна.)

Лидия (улыбаясь). Как просто! Вот он и променял свою дочь на маленький кусок плохого серебра. А нас хотят заставить жалеть, даже любить таких людей... вам это нравится? Разве им поможет жалость? И разве можно их любить? Вот... Анна Федоровна! Устали от гостей?

Анна (сухо). Нет, ничего. Они играют в карты... Я вышла посмотреть...

Черкун (подозрительно). Посмотреть - на что?

Анна. Я видела, как прошел в сад этот жалкий человек...

Лидия. Ну, я иду домой... Мы вечером увидимся, я не прощаюсь...

Черкун. Да... мы увидимся...

(Лидия уходит. Черкун смотрит вслед ей. Анна наблюдает за ним, кусая губы. К ней бросается Степа.)

Степа. Он за мной приходил... за мной?

Анна. Нет, Степа... это так... не бойся!

Степа. Христа ради... не отдавайте меня ему...

Анна. Да нет же! Ты успокойся... иди!

Степа. Я в монастырь уйду! Туда его не пустят... Туда ведь не пустят?

Черкун. Идите, Степа! Все это чепуха... Он ничего не может сделать с вами...

Анна. Мы не дадим вас ему...

Степа (уходя). О господи...

Анна. Мне кажется, Егор, этого человека нужно как-нибудь:

Черкун (резко). Ничего не нужно делать как-нибудь!

Анна (ласково). Ты раздражен...

Черкун. Нет. Но я хочу тебе сказать - ты слишком ярко подчеркиваешь свою неприязнь к Лидии Павловне:

Анна. Позволь! С чего ты взял?

Черкун. Неправда - везде излишня, тем более меж нами, Анна... Она мне нравится, с ней - интересно; ты это видишь и боишься...

Анна (тревожно). Чего боюсь? Я... не боюсь, нет!

Черкун. Я ведь вижу, Анна...

Анна. Что? Что ты видишь? Скажи... скажи... скорее... Нет, не говори... прошу тебя, - не надо!

Черкун (угрюмо). Тише, Анна:

Анна. Молчи! Прошу тебя... дай мне привыкнуть к мысли...

Черкун. Эта мысль давно уже с тобой, а ты все не привыкла...

Анна. Но если - не могу! Ведь я люблю тебя, люблю! Я все тебе прощаю...

Черкун. Прощенья мне не нужно...

Анна. Я скучный, я обыкновенный человек... я знаю это, да! Но я люблю тебя... И не могу я без тебя... я не могу. Разве за это можно презирать? Разве можно... так жестоко...

Черкун. Я тебя не презираю... Это неправда... Но я уже не люблю тебя. Вот правда...

Анна. Но ты любил меня... Нет... подожди! Ты ошибаешься.

Черкун. Это сгорело. А не любя живут с женами только развратники... или лгуны...

Анна. О, подожди! Подожди... дай мне время... я попробую, быть может, я буду... другой! Быть может, я не буду такой неинтересной...

Черкун. Эх, Анна! Стыдись! Как можно отрекаться от себя?

Анна. Мой дорогой! Любимый мой... Я не могу жить без тебя...

Черкун (твёрдо). А я - с тобой... (Идет к дому. Анна, подавленная, медленно садится к столу. Шум; кто-то перелез через забор, как слышно по звукам. Анна не слышит. Из-за деревьев выбегает Катя.)

Катя (обнимая Анну). Милая, славная моя! Вы не плачьте... он подлец...

Анна (вскакивая). Уйдите! Кто вы?

Катя. Он - дурак! Разве так можно говорить? Разве можно не любить вас?

Анна. Кто вы? Как вы...

Катя. Я - Катя, я Редозубова! Вы его бросьте... вы молодая, полюбите еще! Полюбите другого, хорошего, доброго... А ему... Я бы отхлестала его по щекам...

Анна. Зачем вы слушали? О боже мой!

Катя. Я все знаю, что у вас делается... я целые дни слежу за вами в щель... и так люблю вас, так люблю!

Анна (несколько оправляясь). Это нехорошо... подслушивать...

Катя. А почему нехорошо? Надо все видеть, это интересно! Вот, если б я не пришла, вы бы сидели одна и плакали... А теперь я буду утешать вас...

(Идет Степан.)

Анна. Молчите... тише! Вы ничего не знаете, не слышали... прошу вас!

Катя (с важностью). Я понимаю! Ах, это... этот!

Степан (снимая фуражку, кланяется). Тот самый... Через забор изволили прибыть?

Катя. А вам какое дело? Вы думаете, если я через забор, так уж и дурочка? Я не глупее вас... убирайтесь!

Степан. Вот тебе и раз! Чем я прогневал...

Катя (топая ногой). Молчите! С вами не разговаривают... Идемте! (Берет Анну за руку.)

Анна. Я: простите меня... не могу... мне некогда...

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Катя. Я понимаю... я буду с вами... Идемте! (Ведет ее в глубину сада. Степан недоумевает. Идут Редозубов и Павлин, Редозубов растрепан и взъярен.)

Редозубов. Будь свидетелем, Павлин... давеча сына сманили... напоили... теперь дочь... (Степану.) Ты кто?

Служащий? Зови господ... Гляди, Павлин...

Степан. Вы ошибаетесь, почтенный...

Редозубов. Мне все равно! Здесь - вертеп, да Ах, фармазоны, а? Зови их!

Степан. Не хочу...

Редозубов. Как? Я тебе говорю, а ты...

(Черкун идет.)

Павлин. Они - студент:

Редозубов. Ага! Значит, одна шайка:

Черкун (спокойно) Что такое? В чем дело?

Редозубов. Где дочь?

Черкун. Не знаю...

Редозубов. Врешь, фармазон!..

Черкун (Степану). Что такое - фармазон?

Степан. Первый раз слышу...

Редозубов. Не шути, барин! Где дочь?

Павлин. По-научному если - франкмасон говорится.

Черкун. Послушайте, старики: ваша дочь бросала в меня камнями, а больше я ничего не знаю о ней... Вы понимаете?

(Катя бежит.)

Редозубов. А это что? Катерина... кто велел...

Катя. Ну, не шуми... Иди сюда! Иди, иди... не бойся, он не пойдет...

Редозубов. Дочка моя! Не место тебе тут...

Катя (Черкуну). Вы - не ходите! Слышите... вы! Урод!.. (Уходит, увлекая за собой отца. Степан смеется. Черкун, улыбаясь, смотрит на него. Павлин поджал губы и наблюдает.)

Черкун. Нелепо... но очень мило, право! Славная девчушка... Пришла, командует... Гм...

Степан (смеясь). Ах, черт возьми! Ведь ловко, патрон?

Черкун. Надо поговорить со стариком...

(На заборе появляется голова Гриши. Лицо у него испуганное.)

Павлин. Осмелюсь сказать - вы его вполне потрясли и нарушили...

Черкун (Степану). Это кто?

Степан (усмехаясь). Местный мудрец... и прочее, что потребуется...

Гриша. Барин, эй!

Черкун. Ну?

Гриша. А он меня не бил... ей-богу!

Катя (бежит). Послушайте... вы! Подите сюда: отец зовет вас... Ну, чего вы зубы оскалили? Я все знаю про вас... У-у, рыжий! (Показывает ему язык и убегает Степан разражается хохотом. Павлин не знает, как отнестись к этому. Черкун улыбается, идет на зов Кати. Гриша опасливо следит за ним.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Тот же сад. Вечер. Солнце заходит. На деревьях висят разноцветные фонарики. Стол уставлен винами и закусками; вокруг него, в беспорядке, разнообразные стулья. Около стола возится Степа; Матвей Гогин, одетый очень чисто, открывает под деревьями бутылки пива. В глубине сада у забора стоит Притыкин; рядом с ним Монахов тихонько наигрывает на кларнете. В доме шумят. Кто-то одним пальцем играет на пианино "Чижика" и все сбивается. Хохочет исправник.

Матвей. Я уже около трех сотен накопил...

Степа. Какое мне дело до этого?

Матвей. Значит - не дурак...

Степа. Я не говорила, что вы дурак. А вот вы жадный... всё про деньги говорите... как все мужики...

Матвей. Что ж - мужики?

(Черкун идет к столу, вслед за ним Надежда.)

Черкун. Степа, дайте сельтерской! (Надежде.) И вы захотели освежиться? Душно там, да?

Надежда. Нет... ничего...

Черкун. Почему это вы так... странно смотрите на меня?

Надежда (негромко). Что же тут странного?

Черкун (усмехаясь). Не дать ли вам холодной соды... сельтерской, а?

Надежда. Нет, я не желаю...

Черкун (идет обратно). Ну-с, пойду доигрывать...

(Надежда медленно идет за ним.)

Матвей (упрямо). Что я мужик, ничего не значит! Степан Данилыч студент, он все знает... он говорит - раньше все люди мужиками были, а потом, которые умные, господами сделались... вот оно!

Степа. Отстаньте... не люблю я таких...

Матвей. Женимся - полюбите... я парень здоровый...

Степа (как бы про себя). Я в монастырь уйду...

(Идут исправник и Цыганов, оба выпивши.)

Матвей (смеется). Ну, это вы врете... в монастырь... тоже!

Исправник (у стола). Здесь все прекрасно, но закуска и выпивка далеко.

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Цыганов (наливая вино). Она - эпическая женщина...

Исправник. Вы всё про нее?.. Н-да... зверь! Я вот два года за ней ухаживаю...
Мужчина не урод, как видите, военный и прочее. Вы, говорит, не герой... А почему я не герой? Неизвестно. И, наконец, что такое - герой? В уездном городе и вдруг - герой! Смешно...

(Монахов и Притыкин идут к столу.)

Богаевская (кричит). Яков Алексеевич, вам сдавать!

Исправник (идет с куском в руках). Спешу...

Цыганов (Монахову). А мы вот всё говорим о вашей супружке...

Монахов. Приятно слышать... А что именно вы говорите, если это не секрет?

Цыганов. Хотим понять, что она такое? И не понимаем...

Притыкин. Женщину очень трудно понять:

Монахов. Это ты про Марью Ивановну?

Притыкин (дергает его за рукав). Нет, вообще... Редкие понимают женщину...

Монахов. Что мне нужно, я, батя, понял... а что не нужно, того и понимать не надо...

Притыкин. Это, конечно, спокойнее. Опять же - всего никогда не поймешь...

Цыганов. Где вы ее достали, мой друг, а?

Монахов. В епархиальном училище за обедней заметил...

Притыкин. Вон она идет... и доктор около...

(Смеется. Монахов негромко вторит ему. Цыганов смотрит на них, и усы его презрительно вздрагивают.)

Монахов (Цыганову). А Мопассана вашего она не одобряет, - скучно, говорит, и очень все кратко. Зато мне он нравится! Такие есть штучки... ой-ой!

Цыганов. Надежда Поликарповна, хотите еще шампанского?

Надежда. Пожалуйста... Мне очень нравится оно...

Монахов. Смотри, Надежда, будешь пьяной...

Надежда. Какие грубости ты говоришь! Люди могут подумать, что я уж была пьяная. Зачем ты ходишь с этой палкой?

Монахов. А вот скоро играть буду.

Притыкин (берет Монахова под руку). Идемте, посмотрим, как исправник козыряет...

(Идут. Монахов - неохотно.)

Цыганов (подает бокал Надежде). Вам не нравится кларнет?

Надежда. Я гитару люблю, на ней можно играть очень трогательно. А кларнет всегда точно с насморком... Вы очень много пьете, доктор...

Доктор. Меня зовут Павел Иванович...

Цыганов. Представьте! Первый раз слышу ваше имя... странно, а?

Доктор. Что - имя? Здесь души не замечают...

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Цыганов. Какой вы всегда невеселый, дорогой мой Павел Иванович...

Доктор. Не всякий способен смеяться в мертвецкой...

Черкун (кричит). Сергей! Тебя зовет Лидия Павловна...

Цыганов. Извиняюсь... Иду...

Доктор (тяжело смотрит на Надежду). Он вам нравится, этот?

Надежда. Приятный... говорит интересно и всегда чисто одет...

Доктор (негромко, глухо). Он - мерзавец. Он хочет развратить вас... он это сделает... мерзавец!

Надежда (спокойно). Вы всегда всех ругаете, и при этом видно, что у вас зубы гнилые...

Доктор (страстно и тоскливо). Надежда! Я не могу видеть тебя среди них... это убьет меня! Голосом души своей говорю - уйди! Они жадные... им ничто не дорого... они готовы всё пожрать...

Надежда (встает). Зачем же вы говорите на ты? Это вовсе невежливо...

Доктор. Не уходи! Послушай... ты, как земля, богата силой творческой... ты носишь в себе великую любовь... дай же мне частицу ее! Я весь изломан, раздавлен страстью... Я буду любить тебя, как огонь, и всю жизнь!

Надежда. Ах, господи... ну если вы мне совсем не нравитесь! Вы посмотрите на себя - какой же вы любовник? Даже смешно это...

Доктор. Смотри же... помни! Я лягу на твоем пути, - увидишь! Один уже убит тобой... Я буду вторым... Как только я увижу, что этот прохвост овладел тобой...

Надежда (с легкой досадой). Вы, право, очень глупый человек! Как это можно овладеть мною, если я не хочу? И все это совсем не касается вас... Какой вы досадный... даже нестерпимо!

Веселкина (бежит). Вы можете представить, какая неожиданная новость? Вдруг - приехала Анна Федоровна... Я ничего не понимаю! Значит, - они не разошлись? Или снова сошлись? А как же тогда Лидия Павловна? Ведь он в нее влюблен...

(Доктор отходит к столу и тяжело смотрит на Надежду.)

Надежда (медленно). Как это интересно... Только я не верю... что он влюбился в Лидию Павловну...

Веселкина. Что вы! Весь город знает это...

Надежда. Этого нельзя знать, милая, потому что это - в сердце.

Веселкина. И в глазах, и в голосе...

Надежда (задумчиво). А вот зачем она приехала... его жена? Зачем? Хотя она и неопасная противница...

Доктор. Кому?

Надежда (не сразу, медленно). А вам какое дело?

Веселкина (доктору). Вы нездоровы? У вас лицо...

Доктор (негромко, как эхо). А вам какое дело?

Веселкина. Фу, как невежливо! Пойдемте, дорогая, посмотрим, как все это будет...

(Идут. Из-за деревьев является Монахов, подходит к доктору с усмешкой.)

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Монахов. Что, батя, а?

Доктор. Сто раз я слышал этот умный вопрос... Что вы хотите знать? Ну?

Монахов. Шш! Эк вы... Мне ничего не надо знать... я знаю все, что надо...

Доктор (зло). Вы знаете, что я... люблю вашу жену?

Монахов (тихо, с усмешкой). Кто этого не знает, батя?

Доктор (хочет уйти). Ну... и ступайте к черту!

Монахов (хватает его за рукав). Тс! Зачем ругаться? Мы рождены не для волнений, сказал поэт... и не люблю я ничего драматического...

Доктор (резко, тихо). Что вам нужно?

Монахов (тайственно). Чтобы она - несчастье испытала... чтобы удар дали... но - не я! И не вы, батя... Вас мне жалко... я ведь - добрый... и я вижу... все вижу. От удара она мягче будет... несчастье смягчает... поняли, батя?

Доктор. Вы... пьяны? Или вы...

Монахов (с усмешкой). Выпил... все выпили! Разве это не приятно? Это очень приятно...

Доктор (злобно). Вы просто... гадина! (Быстро идет прочь. Монахов подходит к столу - на лице его жалкая, странная улыбка. Наливает вина. Бормочет.)

Монахов. Да... тебе, брат, больно? А мне - не больно?

Притыкина (идет, за ней Дробязгин, Веселкина). Маврикий Осипович, слышал, а?

Монахов. Что именно?

Веселкина. К Черкуну жена воротилась...

Монахов (как всегда). Уже воротилась? Н-да... как же к этому происшествию нужно отнестись?

Притыкина. Сам-то не понимаешь, батюшка?

Веселкина. Ведь он влюбился в Лидию Павловну...

Дробязгин (торопливо). По-моему, они очень подходят друг к другу...

Монахов. Вот и прекрасно...

Притыкина. Что же тут прекрасного? (Дробязгин оглянулся, взял со стола грушу и незаметно ест ее.)

Монахов. Всё. И что они подходят, и что она воротилась... и вы все прекрасные люди, и я хороший человек... Главное - не надо нам мешать друг другу... (Смеется и идет.)

Притыкина. А верно, хороший он... только мало понимает...

Веселкина. Ему некогда понимать, нужно за женой следить...

Дробязгин. Надежда Поликарповна - скромная женщина...

Веселкина. Вы всегда всё знаете! Она только и ждет, как бы влюбиться в кого-нибудь...

Дробязгин. Этого все желают... даже курицы...

Притыкина (вздыхая). Вот уж верно... все желают!

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Веселкина. Вы, Пелагея Ивановна, Архипа Фомича любите?

Притыкина. Я-то его очень, да он-то меня не особенно... Ну, что ж делать? Сама виновата: не ходи сорок за двадцать... Вон - голова идет... и сама рожденница с ним... очень милая женщина!

(Идут Богаевская, Редозубов с сыном, Павлин. Дробязгин подтягивается, принимая скромный вид. Гриша делает ему дружеские гримасы, Веселкина смеется, видя это.)

Павлин. Я говорю ей: монастырь - это, девушка, не трудно, а ты вот гнусного родителя твоего возьми и пригрей, - это ноша, это, говорю, крест...

Редозубов. Слышишь, Гришка?

Гриша. Слышу... Ведь я в монастырь не хочу... чего же?

Редозубов. Эх... дурак!

Притыкина. Уж как все хорошо у вас, Татьяна Николаевна! Всего-то много, и все вкусное, все редкое... ох, дорогая вы моя, как это приятно!

Богаевская. Ну, я рада, коли угодила... Жарко вот очень...

Притыкина. А вы лимонаду с коньячком... меня Сергей Николаевич научил лимонад с коньяком пить... освежает!

Редозубов (тоскливо). Татьяна Николаевна! Зачем ты меня позвала? Сидел бы я дома... Вон Павлин говорит - это, говорит, Валтасаров пир...

Богаевская. Оставь детей и уходи, коли не нравится... А Павлин глупости говорит, хоть он и стариk...

Редозубов (задумчиво). Заглотал он меня... Что хочет, то и делаю... Это - я?

Богаевская. Зато глупостей меньше делать стал. давно уж тебя, батюшка, следовало ограничить...

Редозубов. Столбы сломал я... Семь лет за них держался, сколько денег убил по судам...

Павлин. Столбов - жалко. Очень украшали они улицу.

Богаевская. Ну и врешь...

Притыкина. Ездить стеснительно было... а так - ничего! Все-таки каждый видит, каждый спросит, чьи столбы? И знает, что вот в Верхополье городской голова - Редозубов...

Редозубов. Гришка! Чего глаза пялишь на бутылки?

Гриша. Я так, папаша... Больно много их...

Богаевская. Что ты на него орешь? Сам сделал парня дураком, да сам же и сердится...

Редозубов. Ты думаешь, я не вижу, что делается? Эти фармазоны... они варвары, они - нарушители! Они всё опрокидывают, все валится от них...

Богаевская (позевывая). Видно, плохо было построено...

Редозубов. Ты - барыня... тебе ничего не жалко... вы, баре, чужими руками делали, оттого вам и не жаль... а мы - своим горбом... да...

Богаевская. Да, мы не жадничали... И что нами хорошо было сделано, то, батюшка мой, осталось... А вот умрешь ты, и на месте, где жил, останется только земля испорченная... земля ограбленная.

Редозубов (гневно). Гришка! Иди прочь... Где Катерина? (Идут исправник и

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Притыкин.) Зови ее домой... иди! Вон - Архип идет... чем он меня лучше? А его наравне со мной ставят... (Идет прочь. Павлин за ним.)

Богаевская. А пожалуй, напрасно я старику-то наговорила... а? Вот... дура...

Притыкина. Ну, дорогая, а он как говорил?

Исправник. Ваш дом - эдем, Татьяна Николаевна, и сами вы - богиня...

Богаевская. Да, очень похожа...

Исправник. А посему - желаю вам праздновать день вашего рождения еще раз пятьдесят!

Богаевская. Не много ли?

Притыкин. Действительно, Татьяна Николаевна... верно! В другом бы месте Редозубов излял меня, как собака, а у вас - не может! Потому - вас все уважают... и никто ничего не может...

Богаевская (спокойно). Знают, что вон выгнать могу...

Исправник. Браво!

Притыкин (с восторгом). Знают!

Притыкина (вздыхая). Это очень хорошо, если человек чувствует, что его выгнать могут!

Притыкин (жене, значительно, задорно). Это вы... насчет кого же?

Притыкина. Вообще! А ты думал - про тебя?

Притыкин. То-то.

Исправник. Смирно-о! Выпили, закусили, - ну-с?

Притыкин. В стуколку?

Притыкина. В стуколку и я буду...

Исправник. Извиняюсь...

Богаевская. Идите, батюшка, идите...

(Все уходят. Богаевская сидит в кресле, обмахиваясь платком. С правой стороны доносится голос Степана. Матвей развесивает и оправляет фонарики. Степан и Катя идут рядом. Степан, как всегда, говорит резко и как бы насмешливо.)

Степан. ...Там горит великий огонь разума, и все честные, все умные люди видят при свете его, как грязно и скверно устроена жизнь...

Катя (негромко). Там много честных и умных?

Степан (усмехнулся). Ну... не очень... (Богаевская тихо смеется.) Потому-то я и говорю - идите туда! Отдайте хоть два-три года вашей юности мечтам о новой жизни и борьбе за эти мечты. Бросьте частицу вашего сердца в общий костер протеста против пошлости и лжи...

Катя (просто). Я пойду...

Степан. Быть может, вы испугаетесь и снова вернетесь в это болото... но - будет у вас чем вспомнить юность... а это - хорошая награда за то, что вы можете дать...

Катя. Я не ворочусь...

Степан. Сюда, в этот чертов угол, не долетает ни звука той жизни... Вы

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
посмотрите, как слепы, глухи, глупы все здесь...

Катя (вздрогнула). Монахов и доктор похожи на лягушек...

Степан. Что вам делать здесь? Ну, выйдете вы замуж за какого-нибудь купчика, вроде вашего брата...

(Видит Богаевскую, немного смущен, поправляет фуражку.)

Богаевская (улыбаясь). Что, милый? Чего конфузитесь?.. Он хорошо говорит, Катюша... честно говорит! Ничего не обещает - это хорошо... А когда обещать начнет - не верь...

Степан (грубо, очень искренно). Знаете... славная вы... честное слово!

Богаевская. Ну, ну... идите! Идите... живите!

(Степан и Катя уходят.) Эх... милые вы мои люди... (Идет Лидия, читает какую-то записку, нервно двигает бровями.) Лидуша!

Лидия. А, вы здесь? Надоели вам эти люди, да?

Богаевская. В мои годы люди скоро надоедают... Послушай-ка, хочу я тебе сказать... присядь-ка! Видишь ли, я тринадцать лет безвыездно прожила здесь... одичала я и многое теперь не понимаю... так ты уж извини мне... ежели я что-нибудь не так скажу...

Лидия (кладет ей руку на плечо). Не нужно говорить об этом... Ведь вы... по поводу моих отношений к Черкуну?

Богаевская. Да, да... Болтают они тут... перемигиваются...

Лидия. Что нам они?

Богаевская. Ну... не о чем и говорить.

Лидия (задумчиво). Вот... если хотите... Его жена прислала мне записку, в которой сообщает, что у нее нет вражды ко мне... что-то в этом роде. Как жалки люди, не правда ли?

Богаевская. Люди-то? Да-а... Ее мне жалко...

Лидия (улыбаясь). Надеюсь, вы не считаете меня способной отнять у нищего его единственный кусок?

Богаевская. Ну что ты, Лидочка! Ты - Богаевская, а этого достаточно, чтобы знать себе цену... Ну, отдохнула, пойду к ним снова... Скажи - он нравится тебе?..

Лидия. Не очень... Но среди других...

Богаевская. Груб он... резок... Ну, дай бог счастья тебе...

Лидия. О, тетя... если я захочу, я сама возьму...

Богаевская (тихо). Вот они идут...

Лидия (пожимая плечами). Зачем же шептать?

(Идут Анна, Надежда, Черкун.)

Богаевская. Здравствуйте, Анна Федоровна... Вот как приятно для меня: день моего рождения, и вы приехали...

Анна (нервно оживлена). Поздравляю вас... Здравствуйте, Лидия Павловна. (Лидия подает руку, молча улыбаясь.) Так странно мне - я жила это время почти одна, в глухом деревенском углу, в тишине... и вот теперь попала прямо в этот шум... даже голова кружится!..

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Черкун (хмуро). Ты бы отдохнула...

Анна. Потом... А где же Катя?

Надежда (Лидии). Какая Анна Федоровна миленькая стала, - смотрите-ка!

Лидия. Она всегда была такой красивой... мне кажется...

Катя (бежит). Приехала! Ай, как хорошо... как я рада, милая... приехала! Как похудела... а глаза какие...

(Они обнимаются. Черкун хмурит брови. Надежда следит за ним и Лидией. В кустах Веселкина, Монахов.)

Анна. Какие?

Катя. Серьезные... беспокойные.

Анна. Как ты живешь, скажи?

Катя. Мне хорошо... интересно! Я все гуляю с Лукиным... отец меня грызет за это - ух как! А Лукин - он очень умный... только говорит со мной, как с девочкой... Он гораздо лучше говорит с мужиками... Пройдемся, а?

Анна (идет). Он ведь сам из простых...

(Цыганов идет. Черкун смотрит вслед жене, из-за деревьев ему улыбается рожа Монахова. Вдали стоит доктор. Лидия, напевая, чистит грушу.)

Черкун. Ты что же бросил гостей?

Цыганов. Надежда Поликарповна ушла, а вдали от нее - я чувствую себя не на своем месте...

Надежда. Как хорошо вы говорите комплименты: сразу и не поймешь даже...

Цыганов. Благодарю за комплимент:

Надежда. А вот Егор Петрович... никогда не говорит любезностей...

(Лидия идет к дому.)

Цыганов. Это мужчина дикий, невоспитанный...

Надежда. Маврикий! Что ты там нашел?

Монахов. Паука...

Надежда. Какие гадости!

Монахов. Я люблю наблюдать... занятие поучительное...

Цыганов. Чему же учит вас паук, а?

Монахов. А вот он поймал букашку и - сам-то маленький - не может сладить с ней... Посуетился около нее, к соседу побежал - помоги, дескать, съесть...

Доктор (издали, грубо и глухо). Он действует, как вы, Монахов... совсем как вы... (Идет прочь.)

Цыганов. Что такое?

Надежда. О господи... вот испугал.

Монахов. Выпил! В пьяном виде многие философствуют. (Идет туда, где скрылся доктор.)

Черкун. Удивительно грубое животное этот доктор!

Цыганов. Вы слышите, как говорит этот рыжий господин, а?

Надежда. Правду говорит... и это очень хорошо... И всегда Егор Петрович говорит прекрасно...

Цыганов. Нам придется стрелять друг в друга, Жорж, я это чувствую!.. Богиня моя, уйдемте прочь от него... он скверно действует мне на нервы... давайте гулять по саду и говорить о любви...

Надежда (идет). А вот Егор Петрович никогда не говорит о ней...

Цыганов. Он - личность бесстрастная...

Надежда. Уж это извините... Как вы хорошо зовете его - Жорж.

(Уходят. Черкун озабоченно колотит пальцами по столу и резко насвистывает что-то. Идут Анна, Катя, Степан. Со стороны дома слышен торжествующий голос Притыкина. Ко времени, когда Анна начинает говорить о детях, у стола являются исправник, Притыкин. Гриша, шевеля губами, внимательно читает этикетки на бутылках.)

Притыкин. А я-таки наговорил словечек старому черту Редозубову, будет он меня помнить. Он боится задеть меня здесь, а я тут - свой человек! (Хохочет.)

Анна. Прошло два месяца, но, право, точно годы я прожила! Так все это страшно...

Степан. Да-с... жизнь серьезная...

Анна. Ты знаешь, Катя, - есть люди, которые с наслаждением бьют женщин... кулаками по глазам... по лицу, до крови... ногами бьют... ты понимаешь?

Катя (негромко, не сразу). Я знаю. Отец бил маму... Гришу бьет...

Анна (тоскливо). О боже... милая моя, дитя мое!

Черкун. Ты сядь... не волнуйся...

Степан. Забавно мне смотреть на вас... вы точно вчера прозрели...

Анна. Какие страшные дети есть там! Они заражены... болезнью... глаза у них тревожные, унылые, точно погребальные свечи... А матери бьют и проклинают своих детей за то, что дети родились больными... Ах, если бы все люди знали, на чем построена их жизнь!

Притыкин. Мы знаем! Это вам в диковинку, а мы очень даже хорошо знаем! Народ - зверье... и становится все хуже... Еще бабы - смиреннее, а мужики сплошь арестанты!

Монахов. Ну и бабы тоже. Кто тайно водкой торгует?

Исправник. О да! А вам известно, как они мужей травят? Испечет, знаете, пирожок с капустой и мышьяком и - угостит, да-с.

Катя (горячо). А как же иначе, если они дерутся? Так и нужно.

Притыкина (пугливо). Ах, милая! Ведь что говорит!

Исправник (шутя). А вот за такие речи я вас, сударыня...

Катя. Не дышите на меня... ф-фу!

Анна (растерянно). Но, господа, если вы знаете все это...

Черкун. Не будь наивной, Анна...

Степан (усмехаясь). Кого вы здесь думаете удивить?

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Катя. Как не люблю я вашу улыбку... Чему вы смеетесь всегда?

Степан. Жизнь полна преступлений, которым имени нет... и преступники не наказаны, они всё командуют жизнью... а вы - всё только ахаете...

(Исправник берет под руку Притыкина и уходит с ним.)

Катя. Ну, что же делать?

Анна. Что нужно делать?

(Гриша оглянулся, взял со стола бутылку и уходит с ней.)

Степан. Открывайте глаза слепорожденным - больше вы ничего не можете сделать... ничего!

Черкун. Надо строить новые дороги... железные дороги... Железо - сила, которая разрушит эту глупую, деревянную жизнь...

Степан. И сами люди должны быть как железные, если они хотят перестроить жизнь... Мы не сделаем этого, мы не можем даже разрушить отжившее, помочь разложиться мертвому - оно нам близко и дорого... Не мы, как видно, создадим новое, - нет, не мы! Это надо понять: это сразу поставит каждого из нас на свое место...

Монахов (Кате). А ваш братец бутылку шартрезу взял и - видите? - пьет!

Катя (убегая). Ах... негодяй!..

Монахов. Зелье крепкое!

Гриша (его не видно). А тебе что? Не твое... Пошла, ну... не дам!

Степан (идет на шум). Он еще стукнет ее...

Анна. Сергей Николаевич продолжает воспитывать его? Это может дурно кончиться...

Черкун. Ну, Сергей едва ли учил красть бутылки...

Анна. А пить вино? (Оглядывается. Быстро и нервно говорит.) Чтобы сразу все было понятно, Егор, я приехала к тебе...

Черкун. Отложим это до другого времени...

Анна. Нет, подожди! Я примирилась с мыслью, что мы с тобой чужие... что я чужая для тебя...

Черкун (негромко, усмехаясь). Чужая? Тебя со мной роднили поцелуи и только?

Анна (тоскливо). Нет... я не знаю! Скажу одно: мне без тебя так трудно! Я так глупа... бессильна! Я ничего не знаю и не умею!

Черкун. Послушай... скажи мне сразу, чего ты хочешь?

Анна. Не обижай меня! Я ведь не за милостыней пришла... Я люблю тебя, да... очень сильно люблю, Егор... но я знаю: если ты решил... это бесполезно, если ты решил...

Черкун (глухо). Зачем друг другу дергать нервы, Анна?

Анна. Моя любовь - маленькая, но она мучает меня... нет, не уходи!.. Мне стыдно, что моя любовь такая... Сначала мне было обидно, больно... я думала о смерти, когда уехала:

Черкун (угрюмо). Что я могу сказать тебе? Не понимаю я тебя...

Анна (со страхом и мольбой). Я так беспомощна... я такая ничтожная... и все так страшно... когда одна: Так нестерпимо жалко видеть больного, избитого ребенка,

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
который даже плакать боится...

Черкун (твердо). Анна, мне нужно знать, чего ты хочешь?

Анна. О... я хочу побить тебя еще немногоДа еще немногоДа! Я не помешаю тебе... живи, как хочешь! Но мне необходимо это:

Черкун (угрюмо). Тебе тяжело будет, - смотри!

(Катя идет.)

Анна (с бледной улыбкой). Тогда я уйду - я уйду! Видишь ли, я ничего не понимаю, я ни о чем не думала серьезно до этой поры... Ты должен научить меня...

Катя. О чём ты говоришь?

Анна. О жизни, девочка моя! (Мужу.) Ты должен что-то дать мне взамен того, что взял...

Черкун. Не знаю... как я сделаю это - не знаю, Анна! Мне так неловко:

Катя (ворчливо). Ага, неловко! То-то! (Топая ногой.) Ух... ненавижу мужчин!
Когда-нибудь я этого Лукина... так отщелкаю!

Анна (с улыбкой). Мне ведь тоже неловко - и обидно, что я такая... Но куда же я пойду? Не знаю: В моей семье - всё по-старому, все чувствуют себя правыми и всё злятся, всё обижаются. Старая мебель и книги, старые вкусы холодно и мертвое! Порой они вдруг испугаются, засуетятся и говорят со злобой и со страхом, что жизнь испорчена - и снова, как в чаду, живут в своих воспоминаниях о старине... (К столу подходят Цыганов и Надежда. Цыганов наливает себе вина.) Я отвыкла от них, они мне непонятны:

Цыганов. С вами, моя дорогая, приятно и страшно, как над пропастью:

Надежда. Как вы много пьете!

Катя. Вы помирились?

Черкун. Не говори ей, Анна. Пускай она умрет от любопытства:

Катя. Да ведь я вижу... Эх, кабы вы были моим мужем... я бы вас - вот как держала! (Крепко сжимает кулак.)

Черкун. Ну, не пугайте меня...

Анна. Милая ты моя...

(За деревьями является Монахов.)

Цыганов. Как злит меня, что вы неуязвимы для яда, который я хотел бы вам привить... Как это жаль!..

Анна (быстро). Пойдем отсюда, Катя... (Ведет ее за руку.)

Катя. Только не в комнаты! в беседку...

Черкун (усмехаясь, идет к дому). Ты слишком откровенно ведешь свои дела, Сергей...

Цыганов. Мир может восхищаться ими, если хочет...

Надежда (задумчиво). Жорж... милое имя! Маврикий, ты чего там?

Монахов (является, кивая головой на стол). А вот... сюда!

Надежда. Как нехорошо это - вертеться на глазах...

Монахов (кратко). Ты чего ворчишь? Опять живот болит? Или мозоль?

Надежда (Цыганову). Вы понимаете: это он нарочно грубо и гадости говорит, чтобы отвратить от меня мужчин...

Цыганов. Да? Прием... любопытный...

Надежда (искренно и просто). Ах, если бы вы знали, какой это противный человек! То он говорит, что у меня изо рта пахнет...

Монахов (тревожно). Ну что ты, Надя? Кому же я говорил?..

Надежда (идет к нему). Напомнить? Я напомню...

Монахов (отступает). Ну вот, Надя... что такое? Я пошутил...

(Они скрываются в деревьях. Цыганов устало садится в кресло, лицо у него тоскливо. К столу подходят Дробязгин и Гриша.)

Дробязгин. Сергей Николаевич! Позвольте вас спросить, что такое тайные пороки?

Цыганов. Я вам не скажу этого, мой друг... предпочитаю видеть вас явно порочным... Это значительнее и красивее...

Дробязгин. А добродетели тайные бывают?

Цыганов. Они, должно быть, всегда таковы... я не видел явных добродетелей...

Гриша. А как оно называется... это зеленое, густое... которое первый-то раз вы мне поднесли... помните?

Цыганов. Шартрез, юноша...

(Гриша повторяет вполголоса и улыбается. В саду Матвей зажигает фонарики.)

Дробязгин. А кто, Сергей Николаевич, мудрейший из мудрецов?

Цыганов. По этому поводу в истории философии рассказано следующее: было три мудреца; первый доказывал, что мир есть мысль, другой утверждал противное: я, право, не помню, что именно. Но я наверное знаю, что третий соблазнил жену первого, украл у второго рукопись, напечатал ее как свою и его увенчали лаврами...

Гриша (с восторгом). Ловко!

Дробязгин (неуверенно). Н-да... действительно... подкузьмил!

Цыганов. И облегчил, прибавьте... А теперь давайте выпьем, и да здравствует юность! Поздно понимает человек, как это прекрасно - быть юношей!

(Лидия стоит с цветком в руках и брезгливо смотрит, как мужчины пьют.)

Дробязгин (задумчиво). Я полагаю, Сергей Николаевич, так, что воровство - всегда будет?

Цыганов. Непременно, мой друг... По крайней мере до той поры, пока кто-нибудь не украдет все... понимаете - все! Тогда красть будет нечего, и поневоле все люди станут честными...

Гриша (хочет). Голыми все будут... А вот Емелька Пугачев хотел всё-то украсть, так его живьем сварили... растопили котел серебра да башкой его туда... издох! (Хочет.)

Лидия. Дядя Серж!

Цыганов. Что вы мне прикажете, дорогая моя?

(Дробязгин и Гриша почтительно сторонятся и уходят.)

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лидия. Зачем это вы их... так?

Цыганов. Приятно, знаете, немножко развратить этих двух поросят... может быть, порок сделает их более похожими на людей... а?

Лидия. Серж Цыганов, гурман и лев, еще недавно законодатель мод напивается... с кем?

Цыганов. И влюблен в жену акцизного надзирателя... да, земля вертится скверно, что-то испортилось в гармонии вселенной...

Лидия. В самом деле - что с вами?

Цыганов (негромко). Какая это женщина... черт возьми!

Лидия. Вы дурите?

Цыганов. Нет...

Богаевская (кричит). Сергей Николаевич!

Цыганов. Иду. Знаете, моя дорогая... я, может быть, предложу ей вступить со мной в законный брак... Мне уже пора в брак, как острят приказчики... Идете?

Лидия. Нет... Тяжело смотреть на вас, господа... уехать хочется отсюда...

Цыганов. Потому что кто-то неожиданно приехал?

Лидия. Зачем же быть вульгарным и со мной?

(Цыганов пожал плечами и уходит. Лидия, тихо напевая, идет направо. Навстречу ей, быстро - Анна.)

Анна. Вы получили мою записку?

Лидия. Зачем вы написали это?

Анна. Я вас обидела?

Лидия. Вы унижаете себя... мне кажется...

Анна. Ах, разве это важно, если любишь!

Лидия. Вы хотите сказать мне что-то?

Анна (тревожно и тоскливо). Да. Да. Не презирайте меня... я сама себе противна в эту минуту... У меня нет другого места, вы понимаете, нет у меня другого места... Жизнь так огромна. Я могу жить только около него...

Лидия (холодно). Зачем мне это нужно знать?

Анна. Не говорите так. Сильные должны быть добрыми... Я хочу спросить вас и не могу... вы знаете, о чем я хочу спросить вас?..

Лидия. Да. Пожалуй, знаю... Люблю ли я вашего мужа, - это? Нет. Не люблю...

(Гриша осторожно подходит к столу, берет бутылку вина и исчезает.)

Анна. Правда? (Хватает ее за руку.) А - он? А он вас? Скажите!

Лидия. Не знаю. Не думаю...

Анна (тоскливо). Этого нельзя не знать!..

Лидия. Мы с ним друзья... о многом говорим...

Анна (гордо). А! Теперь я сама могу поговорить о многом!

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Лидия (улыбаясь). Вот и прекрасно!

Анна. Я женщина, я люблю, я хочу быть с ним...

Лидия. Могу уйти?

Анна (искренно). Я вам противна, да? Поймите, - я не могу жить иначе...

Лидия. Простите меня... но, мне кажется, ваша... такая любовь - тяжела ему.

Анна. Он - сильный, он очень сильный!

Лидия. До свиданья! (Идет.)

Анна. Не презирайте меня... Ну, все равно! О господи... помоги мне... помоги мне!

(Идут исправник и Притыкин, оба сильно выпившие. Анна, заметив их, поспешно исчезает.)

Исправник. Представь, Архип, что ты исправник и тебе надо жениться... на ком?
Вот вопрос... да!

Притыкин. Я бы во всяком положении на богатой женился...

Исправник. Это разумеется... Ну, а если они обе богаты - и Монахова и Лидия Павловна? Ну?

Притыкин. Я бы Лидию Павловну взял...

Исправник. Н-да... а почему?

Притыкин. Потому - Монахова замужем... А вот студент этот, знаете... я вам скажу...

Исправник. Черт с ним! Мальчишка... Она замужем... мм... это верно! Но ведь она может быть вдовой...

Притыкин. Это всякая женщина может...

Исправник (поражен). Именно... всякая! ф-фу! Значит - все мы умрем... ты понимаешь?

Притыкин. Уж такое положение.

Исправник. Верно - положение! Это ты хорошо сказал... каналья! Положат тебя, и - лежи...

Притыкин. Он такие слова говорит... ой-ой!

Исправник (задумчиво). Другие люди ездят на охоту, играют в карты, а ты - лежи...

Притыкин. Вы обратите внимание: да! Он говорит - народ своей кровью...

Исправник. Ерунда!

(Дробязгин бежит.)

Притыкин. Нет... он язва!

Дробязгин. Яков Алексеевич, пожалуйте! доктор Монахову в морду дал!

Исправник. Что такое? Почему?

Дробязгин. Неизвестно...

(Втроем идут к дому. За деревьями является Дунькин муж, одичавший от пьянства,

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
оборванный. Черкун ведет за руку доктора, сзади идет Надежда и потом Степа.)
Черкун. Вы сейчас же уйдете...

доктор (ревет). Кто вы такой? Вы здесь развратили всех...

Черкун (тихо). Ну... молчать! Стыдитесь...

доктор. Вы оба - воронье... Я вам не падаль... меня не расклюете, как Редозубова... Кто вы такой, я спрашиваю?

Черкун. Да ну, идите же! (Ведет его в глубину сада.)

Надежда (радостно, Степе). Ты видела, как он его? Какой прекрасный... храбрый!
Как просто... схватил, увел... (Идет вслед за Черкуном.)

Степа (кричит). Егор Петрович! (Видит отца, - испугана и обозлилась.) Опять пришел... опять! Зачем? Чего тебе?

Дунькин муж. Степанида! Я твой отец... верно? Иди ко мне... значит!

Степа. Я не хочу! Уйди! Я не пойду...

Дунькин муж. А я тебя через полицию...

Степа. В могилу - уйду... (Идут Черкун,

Надежда, Анна, Лидия, Цыганов.) Слышал? Ты не отец мне... ты болезнь моя...

Черкун. Ты снова? Чего тебе?

Дунькин муж. За ней... за этой...

Степа. Он по душу мою пришел...

Анна. Уйдите, Степа...

Черкун. Ну, ты ступай вон!

Дунькин муж. Уж ежели отняли дочь... дайте хоть рубль.

Степа (выхватив из кармана деньги, бросает их и бежит прочь). На! Подавись! На!

Черкун. Послушай, если ты...

Надежда. Ах, ну зачем вы с ним говорите?

Черкун. Позвольте, Надежда Поликарповна...

Надежда. Вам вовсе нельзя говорить с таким. Ты - уходи. А завтра я скажу исправнику, чтобы он тебя уничтожил...

Дунькин муж (подбирая деньги). Нельзя меня уничтожить... не боюсь я...

Цыганов. Каков мужчина, а? Все растет...

Лидия. Чувствует свою силу... силу слабости...

Анна. Вот вы, Сергей Николаевич, постоянно даете ему...

Цыганов. О, не беспокойтесь! Это меня не разорит...

Надежда (Черкуну). Какой сегодня тяжелый день для вас... всё неприятности...

Анна (невольно, как эхо). Тяжелый... Ты устал, Егор?

Черкун. Я вот... не знаю, что нужно сделать с этим человеком, чтоб он оставил дочь свою в покое? Это злит.

Надежда. Вам ничего не надо делать! Я сама... вы только не волнуйтесь...

Цыганов. Моя дорогая, - ваш супруг, вот кто, мне кажется, взволнован...

Надежда (как бы удивилась). Он?

Черкун (вдруг обозлился). Он - как лужа грязи, в которую наступили ногой... ваш супруг...

Анна (негромко, пораженная). Егор... что ты?

Цыганов (усмехнулся). Ты, Жорж, преувеличиваешь...

Черкун (Надежде). Я удивляюсь, как вам не стыдно терпеть около себя такого... пошляка!

Надежда (даже дыхание у нее захватило от восторга). Ах... как вы это сказали!.. Как верно... строго! (Цыганову.) Вот кто страшный... вот кто!

Анна (беспрокойно, Лидии). Боже мой... Какая она... странная... не правда ли? Вы видите?

Лидия. Да... вижу... Идемте.

Надежда. Я - не странная... я мужество люблю...

Черкун (смушен). Ну... это уж что-то... я не понимаю! Пойду... пройдусь...

Надежда. И я с вами... и я тоже...

(Идут.)

Анна (тревожно, Цыганову). Она - смешная, да? Она - милая, я понимаю... но - только... плохо воспитана?

Цыганов (Анне). Вам надо отдохнуть с дороги. Так шумно здесь... пестро...

Анна. Да... я пойду... Нет... какая она... все-таки... (Поспешно уходит. Цыганов курит и улыбается. Сыщен пьяный смех и говор - это идут Монахов, Дробязгин, Гриша.)

Лидия (брзгливо). Как все это отвратительно... И эта женщина... обе эти женщины... как они жалки... Что вы смеетесь?

Цыганов. А вдруг она нашла героя, а?

Лидия (не сразу). Нет. Это... невероятно, дядя Серж,

Цыганов (усмехаясь). Что тут невероятного?

Монахов. Он... ударил меня?.. Хорошо... пускай!.. А я - жив... А он скоро сдохнет...

Лидия. Идут пьяные... я ухожу.

Цыганов. Идемте...

Гриша (убежденno). Я тоже... могу в рожу дать... во!

Лидия. Но - зачем, зачем он вмешивается в эту... грязь?

Цыганов. Это - стихия, она втягивает... это - как магнит, дорогая моя... Голодный инстинкт, чуть прикрытый ветошью романтики...

(Они уходят. Монахов подмигивает своим спутникам и грозит пальцем вслед Цыганову.)

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
дробязгин. Почему? Он очень умный... ей-богу!

Монахов. Что такое ум? (Хохотет. дробязгин и Гриша вторят ему.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Большая, уютная комната. В левой стене - дверь в прихожую и два окна, вправо - дверь в комнату Анны и другая к Егору. Прямо широкие двери в гостиную, она выступает в комнату углом, между ним и голландской печью в правом углу - ниша, в ней широкий диван, на диване полулежит Цыганов и курит. Направо, между дверей - пианино; Анна что-то играет, чуть касаясь клавиш. Посередине комнаты за столом Богаевская раскладывает пасьянс. В комнате Черкун Степан тихо щелкает на счетах. Черкун задумчиво ходит по комнате, останавливается перед окном, смотрит во тьму. Ветер. Горят лампы.

Богаевская. Холодновато!

Анна. Дать вам шаль?

Богаевская. Лидуша пошла за ней...

Цыганов. Юноша! Бросьте вы щелкать!

Степан. А вот поймаю - брошу...

Богаевская. Кого это вы ловите?

Степан. Купца Притыкина...

Богаевская. Разве плутует?

Степан. Довольно усердно...

Богаевская. Да... вот он, купец! Даже и влюбленный - плутует...

Цыганов. Сие свойственно людям всех сословий... Я, в сущности, против обличения мошенников: это только изощряет их приемы. Что ты все ходишь, Егор? кого ты ждешь?

Черкун (не вдруг). Так... хожу вот... А что тебе?

Цыганов. Я не имею больше вопросов, как говорят прокуроры... Какая дурацкая погода!

Анна. Его взволновал спор...

Черкун (сухо). Откуда это известно тебе?

Анна. Мне кажется... когда не соглашаются - это раздражает...

Черкун (насмешливо). Да? Поздравляю... очень оригинальное наблюдение.

Богаевская. Интересно спорили... да! Я хоть и не поняла ничего... а интересно!

Черкун. Лидия Павловна - слишком прямолинейна...

Цыганов. Это говоришь ты?

Богаевская. А скучно мне будет, когда вы уедете... очень скучно!

Цыганов. Поезжайте с нами. Что вам делать здесь?

Богаевская. А там? Мне, батюшка, везде нечего делать... И всю жизнь я ничего не делала...

Цыганов. И ни одной ошибки?

Богаевская (мешая карты). И ни одной ошибки... Нет, Анна Федоровна, не вышло...

Анна (грустно). Нет?.. Жаль... А мне так хотелось, чтоб вышло...

Богаевская. А вот мы еще раз спросим судьбу...

Степан (торжественно-шутливо). Судьбу насиовать нельзя...

Черкун (негромко). Она сама насиливает людей:

Степан. А особенно жадных...

Богаевская. А вы - щелкайте, щелкайте...

(Лидия входит, несет шаль.)

Цыганов. Пока судьба вас не отщелкала...

Богаевская. Ну, вот спасибо, Лидуша... Ты слышала - у Архипа Притыкина роман с Веселкиной Марией...

Лидия. Как это интересно, тетя!

Богаевская. Все-таки... забавно!

Цыганов. Вас, дорогая моя, ничто не интересует, кроме верховой езды... Странно вы живете... скачете верхом по полям во всякую погоду и - только! Удивительно изменились вы...

Лидия. В дурную сторону?

Цыганов. Конечно! Люди с детства идут только в эту сторону!..

Лидия. Тогда - чему же удивляться?

Цыганов. Я ждал, что вы будете прекрасным ядовитым цветком, на ниве порока... а вы - что такое вы? Чего вы ищете? Чего вам хочется?

Лидия. Найду - узнаете...

Степан. Не там вы ищете, где надо... не там!

Богаевская. Однако, батюшка, быть может, я стесняю ваше красноречие?

Цыганов. О нет! Почему?

Богаевская. То-то! А то некоторые стесняются говорить пошлости при мне... дескать, старушка почтенная...

Лидия. Вы слишком строги, тетя... В обществе, где я вращалась, говорят хуже...

Богаевская. Хуже? Ну извиняюсь... одичала я...

Цыганов. О полноте!

(вбегает Катя.)

Степан (выскакивая). Ну? Как? Что?

Катя. Да... Еду...

Степан (одобрительно). Браво! Молодец...

Катя (подходит к Анне). Тяжело! Он плачет... отец плачет! Такой жалкий...

Степан. Это - возмездие! Он всю жизнь давил людей...

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Катя (топая ногой). Не смеите так! Не ваше дело...

Анна. Ну, не волнуйся... ничего...

Цыганов. Это именно его дело... ведь он вас утащил...

Катя. Меня никто не утащил, я - сама... не говорите мне глупостей... А отца мне жалко... я его люблю... я знаю: он грубый, он жестокий... и все такие! Все люди - грубые и жестокие... И вы, Степан Данилович... и вы тоже...

Степан (вспыхнул, усмехается). Может быть... ну что же? Но жизнь так устроена, что жестокость необходима...

Катя. Ненавижу я вашу усмешку... молчите!

Черкун (улыбаясь). Милый звереныш...

Цыганов. А у вас, юноша, сварливая будет жена:

Степа (входит). Степан Данилович...

Степан (брзгливо). Вы не можете без пошлостей?

Черкун (с гримасой). Господа!

Степа. Степан Данилович, вас спрашивает Гогин...

(Степан, круто повернувшись, идет в прихожую, Степа - за ним.)

Цыганов. Задорный юноша... Чему вы улыбаитесь, Лидия Павловна?..

Лидия. Хорошая пара...

Черкун. Да-да... славные...

Лидия. Красивая жизнь впереди у них...

Цыганов. Но, вероятно, голодная...

Лидия. Мне нравится Лукин... В нем есть что-то значительное...

Цыганов. Его усмешка отрицает вас...

Лидия. Она всех отрицает...

(Из прихожей идет, усмехаясь, Степан; за ним Гогин, одетый в хорошую новую поддевку. Он мнется и что-то шепчет на ухо Степану.)

Степан. Э, нет, скажите сами, синьор...

Черкун. Что такое? Что вам нужно, Гогин?

Матвей (конфузится). Да вот: жениться хочу...

Цыганов. Оригинально! Как это вы надумали, а?

Матвей. Уж так... пора! двадцать три года мне...

Черкун. Ну? Что же дальше?

Матвей. Так вот, Егор Петрович, помогите!

Заслужу!.. Как я сам из мужиков, то знаю все больные места ихние: уж я им не дам...

Степан. Воспитали человека... отечеству на пользу...

(Катя и Анна выходят и стоят у пианино.)

Черкун (хмуро). Чем - помочь?

Матвей. Да видите... выбрал я Степаниду, а она не хочет: не пойду, говорит, и шабаш! А она такая скромная, баловать не станет, я ожидаю, а бояться будет... Так вот я просить вас и барыню хочу - припугните вы ее!

Черкун. Это... зачем же?

Матвей. А чтобы она шла за меня, а то, скажите ей, - к отцу, мол, отправим! Она его до смерти боится. А я ему уж полтину дал, чтобы он ее, значит, ко мне толкнул...

Катя (изумленно). Ах, какой мерзавец!

Матвей (вздрогнул). Чего-с?

Черкун (сухо, Степану). Выдайте ему расчет...

Матвей (поражен). Расчет? Мне? За... за что?

Степан. Подумайте - за что бы?

Черкун. Идите...

Матвей (опускается на колени). Егор Петрович...

Черкун (резко). Встать!

Матвей (вскакивает). Сергей Николаевич, за что же?

Катя (торжественно). Ага-а?

Матвей (слезливо). Что я худого сделал? Эх, Степан Данилович... подвели вы меня под обух...

Цыганов. Вы - идите... Потом, может быть...

Черкун (спокойно). Ничего не может быть...

Матвей (уходя со Степаном). Господа... напрасно это! Разве так можно? а? Вдруг, ни с того ни с сего... а?

Цыганов (Черкуну). Мне не кажется, что ты поступил, как Соломон... нет! денег он уже наворовал... зачем гнать его? Парень неглупый... а кулаком будет все равно... Умные люди - всегда жулики...

Степа (вбегает и бросается в ноги Черкуну). Егор Петрович... дай вам бог...

Черкун. Э, черт возьми! Сейчас же встаньте!

Степа (встает). Я боялась, я дрожала... думала - отадут они меня ему...

Катя. Какая глупая...

Анна. Степа! Вас никто не может...

Степа (со страхом). Да ведь я - одна! Одна я! Со мной - всё можно сделать... И возьмут они меня... отец и этот... они возьмут!

Анна (подходит к ней). Полноте, Степа...

Степа. Уйду в монастырь... оттуда не достанут... Ведь не достанут?!

Анна (уводит ее к себе). Идите ко мне...

Катя (Черкуну). Вот это вы хорошо сделали! Так и нужно... Раз-два шишка на лбу и никакого удовольствия...

Черкун. Наконец-то удостоился вашей похвалы...

Цыганов (позевывая). Которой ждал так трепетно и долго...

Черкун. Но когда вот так - раз-два - я вашего папашу поучил...

Катя (убегая в комнату Анны). Ишь вы! То - отец мой...

(Анна идет навстречу, наливает стакан воды и уходит.)

Анна. Как хорошо ты поступил, Егор...

Черкун (морщится). Ну, Анна, перестань...

Цыганов. Так, Жорж! Именно скромность всего приличнее герою...

Лидия. Нет, дядя Серж, как быстро следует за подвиги награда!..

Анна (уходя). Как вы не устаете, господа, осмеивать все на свете?

Черкун (хмуро). Вы, кажется, думаете, что я не способен верно оценить все это? да?

Лидия (прислушиваясь). Звонок?

Черкун (быстро). Да... Пойду открою... (Идет.)

Цыганов. А я знаю, кого он хочет встретить...

Лидия. Вы что молчите, тетя?

Богаевская. Нельзя же в одно время думать и говорить... У меня тут затруднение...

Цыганов. А я знаю, кого он ждет...

Богаевская. Откуда-то явилась пятая дама, и нет девятки...

Лидия. Вот девятка... а это не дама - валет...

Богаевская. Воистину так... ишь ты! Глаза-то... Валет... ну-с...

Цыганов (поет). А я знаю... а я знаю...

Лидия. Неостроумно, дядя Серж... Тетя, вы скоро пойдете к себе? Это очень вредно - так долго сидеть...

Богаевская (забоченно). Подожди... я сейчас... да... я - скоро...

(Идут Черкун, исправник.)

Черкун. Все еще не нашли? Исправник (уныло). Нет. Черт его знает, где он... И куда можно убежать из этого города? Добрый вечер, Лидия Павловна... Здравствуйте, почтенная Татьяна Николаевна...

(Молча жмет руку Цыганова.)

Богаевская (не глядя на него). Ну, что ваш чиновник?

Исправник. Пропал, каналья... Ищем, ищем... в горле пересохло!

Цыганов. Последнему могу помочь. (Наливает вина.) Да сколько он украл?

Исправник. Четыреста шестьдесят три рубля тридцать две копейки... болван! Уж тащил бы всё, там тысяч восемь было... А то - один пакет, осел! И наконец - ну, украл... ну что же? Не редкость... не убийство! Приди и скажи, - вот я... Получишь за это смягчение вины... а он, извольте видеть, скрылся... и девять

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
человек ищут его...

Черкун. Несчастный мальчишка...

Богаевская (не отрываясь от карт). И украл, как нищий... с копейками!

Цыганов. Браво, Татьяна Николаевна!

(Лидия и Черкун смеются.)

Исправник (смотрит на часы.) Я, видите ли, заехал сказать вам, Сергей Николаевич... это самое... и прочее... Вы его видели в день совершения кражи... так вот придется вам...

Цыганов (сердечно). Понимаю. На меня падает подозрение в соучастии...

Исправник. Э... как? (Хочет.) Ах вы!.. Как хочется посидеть у вас... а надо ехать... там какой-то дурак жену избил...

Богаевская (как раньше). До смерти?

Исправник. Кажется, до смерти... А где же Притыкин? Он со мной приехал... Мы думали несколько повинтить...

Черкун. Он занят с Лукиным...

Исправник (грустно). А на дороге полицейский доложил об этой драке... да, вот еще Лукин... Вы бы сказали ему, чтобы он... воздержался. Про него ходят слухи... насчет его знакомств с рабочими на фабриках... Ну зачем это? Тут, знаете, есть такой благочестивый мужчина - Головастиков... купорос! Сами его боимся... Всё знает! Сны ваши и те знает... А мне не хочется прибегать к мерам... не люблю неприятностей!

Цыганов. Хорошо! Беру это на себя... Кому приятны неприятности?

Исправник. Вот именно! Ну-с - общий поклон... Ах, Сергей Николаевич, славный вы человек...

Цыганов (проводя его). Несмотря на тяготеющее подозрение в соучастии с Порфирием Дробязгиным, укравшим тридцать две казенных копейки?

(Исправник хохочет. Из прихожей доносится сладковатый голос Притыкина и едкие возгласы Степана.)

Черкун (негромко, Лидии). Как это вам нравится, а?

Лидия. Вы по поводу Лукина?

Черкун. О нет! Это естественно... а вот этот Дробязгин... черт его возьми! Как бы ему помочь, что ли? Ведь если правду говорить - Сергей... вы понимаете?

Лидия (улыбаясь). Вы скоро будете совсем почтенным человеком... право!

Черкун (сердечно). Он развратил мальчишку... это несомненно! Чему же вы смеетесь?

Лидия. А помните - когда-то вы хотели поставить город вверх дном?

Черкун. Хотел? Ну да... хотел... Так что же? Что вы хотите сказать?

Лидия. Я только напоминаю. Вы говорили, что вашей волей сюда придут новые мысли, новые вкусы... А дядя Сережа ничего не говорил, но, посмотрите, сколько мертвцов разложилось благодаря ему...

Черкун. Ага, я понимаю вас! Говорите дальше...

Лидия. Я вот не вижу, чтобы жизнь обновилась благодаря вам... а сами вы, мне кажется, немного потускнели...

Степан (из прихожей). Егор Петрович, на минуту!

Притыкин (жалобно). Пожалуйста, Егор Петрович!

Черкун (уходя). Я вам отвечу... потом...

Лидия. Тетя! да бросьте же! Пойдем к себе, а?

Богаевская. Я и здесь, как у себя... подожди... Тут все так спуталось, запуталось... перепуталось... Это, милая моя, самый трудный пасьянс, "две необходимости" - зовут его...

Лидия. Я - иду... (Идет в прихожую и по лестнице вверх.)

Богаевская (наклоняясь над картами). Ты идешь... ты идешь... а вот я что буду делать? да... А вот я и не знаю, что мне делать... (Поднимает голову, оглядывается.) А?.. Ушли все... и осталась я одна... ну, одна так одна... (Смотрит на карты и вдруг смешивает их.) Эх, Татьяна... скоро ты умрешь,

Татьяна... скоро ты умрешь, старая дура... да... (Идет в прихожую - в дверях стоит Притыкина, в платке, жалкая, лицо дряблое, не накрашенное, как всегда. Богаевская отступает перед ней.) Что тебе? Кто это?

Притыкина (тихо). Я...

Богаевская. Это... ты, Палахея?

Притыкина. Да... я... Муж-то здесь?

Богаевская. Кажется, здесь... ну?

Притыкина (тихо плачет). Ведь бросает он меня... покидает он меня... Все вечера у Веселкина сидит, в карты с ним играет... и дочь его обольстить хочет... милая вы моя!

Богаевская. Ну, не дури... врещь все! Тоже... обольстителя нашла! Не срамись... иди ко мне... наверх...

Притыкина. Сердечная вы моя, - бьет меня! Век ты мой загубила, говорит, чертова кукла... старая, говорит, ведьма ты... Иди вон, говорит... А куда я пойду? Имущество все на него переведено... все у него в руках... матушка, что делать буду?

Богаевская (идет). Лезь наверх... не шуми тут...

Притыкина (следя за ней). Лезу, лезу: Посоветуйте вы мне, как с ним быть? Как я буду теперь? Ай! Голос его слышу... пустите вперед меня... матушка...

(Они скрываются. Почти в то же время хлопает быстро открытая дверь, и из прихожей является взволнованный Притыкин; за ним Черкун и Степан.)

Притыкин. Нет, господин студент, так со мной нельзя-с! Я человек всем здесь известный... и даже буду головой... да-с! А вы еще, с позволения сказать, просто молодой человек... и больше ничего!

Черкун. Ну, здесь не место кричать...

Притыкин. А место здесь называть меня жуликом? Почему я жулик... именно-с?

Степан (с усмешкой). А вот - цифры...

Притыкин. Цифры? Цифры можно написать... какие угодно... это не резон... да-с!

Степан. Вы и написали какие вам было угодно... Вот объясните мне, откуда у вас эти шесть тысяч триста рублей взялись...

Притыкин. Егор Петрович, позвольте мне не объяснять... пусть это будет между

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
нами... Сергей Николаевич верит мне... А господин Лукин - я не знаю, чего они
желают...

Степан. Поймать вас в плутовстве...

Притыкин. Плутовство? Нет... я так не могу!..

Черкун (сухо). Оставим это до завтра...

Притыкин. Нет-с, не могу! Я человек честный... Сергей Николаевич это знает... Я
насчитал верно-с... спросите их... они знают...

Черкун (негромко, гневно). Молчать... Идите сюда... ну?

(Ведет Притыкина к себе.)

Притыкин. Позвольте... тащить меня нельзя...

(Черкун вталкивает его в дверь и резко захлопывает ее. Степан бросил счета на
стол, сунул руки в карманы и уходит.)

Степан (сквозь зубы). Э... жулье!..

(Из комнаты Анны выходит Степа с какой-то книгой в руках, проходит в гостиную.
Сыщен голос Анны - она что-то читает. В прихожей шум, шаги. Идут Цыганов и
Надежда.)

Цыганов. ...И стоял на крыльце... один. Осеню иногда хорошо посмотреть в
небо...

Надежда. А где же все?

Цыганов (усмехаясь). Тот, кого вам нужно, явится, когда услышит ваш голос... но
он не даст вам ничего... Осеню по небу быстро бегут тучи... тяжелые тучи...

Надежда. Не люблю черного цвета. Самый важный, самый внушительный цвет -
красный. В красном королевы ходят и разные аристократки...

Цыганов. Не видал, но представляю, как это красиво... Н-ну-с, скоро я уеду,
дорогая моя...

Надежда (на диване). Вы не один уедете...

Цыганов. Не один? Как это понять? Вы решили?

Надежда. Что я решила?

Цыганов (негромко). Едете со мной? В Париж? Подумайте - Париж! Маркизы, графы,
бароны - все в красном... И у вас будет все, что вы захотите... я все дам...

Надежда (спокойно). Это просто даже неприлично, Сергей Николаевич! Как будто я
какая-нибудь... этакая:

Цыганов. Вы - дивная, вы - редкая... страшная! И я люблю вас, поверьте мне!
Люблю, как юноша... Вы... сила! Сколько счастья, сколько наслаждений ждет вас...

Надежда. Сергей Николаевич, ну зачем же все это? И разве можете вы любить, как
юноша, когда вам скоро пятьдесят лет, и через два года, может быть, вы совсем
лысый будете? И что же это за езда по Парижам, если я вас не могу любить? Вы
очень интересный мужчина, но пожилой и мне не пара. Обидно даже, извините меня,
слушать такие ваши намерения...

Цыганов (почти стонет). О черт возьми! Ну... хотите - обвенчаемся? Я устрою вам
развод с мужем и...

Надежда. Не все ли это мне равно? Ведь важен мужчина, а не что-нибудь другое...
Нет, вы меня, пожалуйста, оставьте... Вы многому меня научили, стала я теперь
умнее и смелее...

Цыганов (приходит в себя). Ну хорошо! давайте - похороним это, мой друг! честное слово - моя последняя попытка... больше нет времени... и сил! И сил нет...

Надежда. Ну вот! Вы умный человек... вы понимаете, что силу в лавочке не купить...

Цыганов (как всегда). О да, вы правы! Это нечто вроде ума - его не продают даже в универсальных магазинах...

Надежда. Вот видите!

(входят Редозубов и Павлин. Редозубов сильно постарел.)

Редозубов. Здорово... дочь у вас?

Цыганов. Здесь, кажется... (Стучит в дверь к Анне.)

Редозубов (Павлину). Видишь? Всё - парами... да...

Анна (из двери). А, здравствуйте, Василий Иванович... Катя!

Надежда. Добрый вечер, Анна Федоровна...

Анна (вздрогнула). Ах... это вы?

Надежда. Да...

Катя (отцу). Ты что приплелся?..

Павлин (негромко). Тоскуют...

Анна (зовет). Степа! (Надежде.) Вы будете пить чай? Вы любите...

Надежда. Не откажусь...

(Степа входит.)

Анна (Степе.). Пожалуйста, Степа, чаю... Я - сейчас! (Уходит к себе.)

Цыганов. И коньяку, Степа, и коньяку...

(Подходит к Надежде и тихо говорит ей что-то.)

Редозубов. Ты с кем там была? Только с ней?

Катя. Молчи... что за глупости!

Редозубов. Иди домой... а? Последние-то дни дома бы посидела... а?

Катя. Хорошо... Подожди, я сейчас... (Быстро идет к Анне.)

Редозубов (Павлину). Видел? Совсем чужая стала... Отбили дочь... сына - пьяницей сделали... разрушили жизнь мою... И - ничего...

Павлин (тихонько). Не огорчайтесь... подождите!

Редозубов. Чего ждать? Кому жаловаться?

Павлин. Исправника они купили, но господа никто купить не может... поняли?

Редозубов. Притыкина обласкали, а меня исказили... Теперь - дочь... Она, может, там со студентом, а я... жду! Я? (Вдруг встает и свирепо кричит.) Катя!

Надежда. Ах!.. Что это?

Цыганов. Что с вами, почтенный?

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
(Выходит Черкун, за ним - Притыкин с видом человека, у которого болят зубы.
Выбегает Катя, Анна.)

Катя. Что ты кричишь?

Редозубов. Домой!

Черкун. Послушайте... здесь не базар...

Редозубов (рычит). На... на - добей! Разбойник! Бей меня...

Катя. Отец... о господи!..

Черкун. Послушайте, старик...

Редозубов. Молчи! Не говори со мной... фармазон! Катерина, домой! что, Архип...
а? Радуешься? Блюдолиз...

Притыкин. Я, Василий Иванович... не виноват!

Редозубов. Ага! Женился на богатой старухе, ограбил ее... любовниц заводишь... в
головы лезешь... прихвостень!

Черкун. Ну, вот что - идите же ругаться куда-нибудь в другое место...

Катя (кричит). Иди... или тебя выгонят отсюда! Ведь это будет стыдно мне, больно
мне, как я тогда приду к ним? Ведь я возненавижу тебя, если выгонят...

Редозубов. Что?.. Как?

Анна. Послушайте: она вас любит... ей жалко вас... она плакала... она вас любит!

Редозубов. Коли любит... как же бросает меня, а?

Катя. Идем... иди, ради бога! (Ведет отца в прихожую. Павлин как-то странно
вильнул и остановился у двери.)

Черкун. Архип Фомич, вы тоже уходите. Нам больше не о чем говорить...

Притыкин (вздыхая). Что ж... уйду... А между прочим, господину Лукину я этого не
забуду... Он здешний... я тоже... да-с...

Анна. Боже мой... как все это... странно...

(Надежда все время из угла следит с улыбкой за Черкуном. Улыбка неподвижная,
странныя. Цыганов усиленно курит сигару и смотрит на всех, шевеля усами. Степа
готовит чай и пугливо, с ненавистью, посматривает на Павлина. Анна, посмотрев на
Надежду, вздрогнула, делает движение к ней, но, быстро повернувшись, уходит в
свою комнату.)

Цыганов (Черкуну). Ты с ним... подвел итоги?

Черкун. Да. Нам нужно поговорить с тобой... О, Надежда Поликарповна, вы пришли?
А я не вижу вас! Ну здравствуйте... Скверная погода, не правда ли?..

Цыганов. Мы с тобой, очевидно, не сейчас будем говорить...

Черкун. Ну разумеется! Вы что же здесь, в углу и в темноте? Идемте в гостиную...

Надежда. С удовольствием... А я ждала, когда вы взглянете на меня...

(Они уходят в гостиную - оттуда слышен их негромкий говор.)

Цыганов (Павлину). Н-да... вы здесь? Н-ну, что ж вы скажете мне?

Павлин. Разрушился старик-то... Ему бы допустить, чтоб его выгнали отсюда, -
после такого с ним поступка Катюше-то, действительно, невместно было бы ходить
сюда...

Степа (невольно, негромко). У-у... змей!

Цыганов (задумался и не слушал Павлина). Д-да... ну что же?

Павлин. А там уж видно было бы... Осмелюсь, сударь мой, спросить вас как труд мой? Рассмотрели? (Цыганов смотрит на него и молчит. Павлин отодвинулся от него.) Тетрадочку моего рукописного труда, говорю я, изволили читать?

Цыганов. Что? Ах да... (Резко.) Это чепуха, стариk...

Павлин (не верит). девятилетний труд мой - чепуха?

Цыганов (пренебрежительно). Сейчас я принесу эту философию... подождите... (Идет в гостиную.) Согрейте мне бутылку красного, Степа...

Павлин (негромко). А я, девушка, сегодня опять папашу твоего видел. (Степа оперлась руками о стол и в упор смотрит на Павлина.) Ветер на улице, дождик сеет... а отец твой пьяненький идет... голый весь и - плачет... и горько плачет!..

Степа (глухо). Врешь! За что мучаешь? (Бросает в него крышкой от самовара.) Вот тебе... дьявол... колдун!

Анна (отворяя дверь). Что это?

Павлин (поднимая крышку). Тушилочка упала... по неосторожности...

Степа. Прогоните его!..

Цыганов (выходя). Вот, получите...

Степа. Прогоните его!

(Анна подходит к ней, тихо спрашивает о чем-то. Степа уходит. Анна стоит у стола, слышит разговор в гостиной, - на ее лице боль и отвращение.)

Павлин. Зачем же, девушка, гнать? Я и самовольно уйду. Так, изволили сказать, чепуха?

Цыганов. Да, да...

Павлин. Значит - девять лет я ошибочно рассуждал? Покорнейше благодарю вас, сударь мой... А с вашей стороны - ошибки быть не может? Прощайте...

(Идет.)

Цыганов. Действительно - купорос, как говорит исправник... Однако вам дурно?

Анна (шепотом). Что она говорит? Послушайте...

Цыганов (негромко). Я при таких условиях не позволяю себе что-либо слышать...

Анна. О, что она делает?

Цыганов (громко). Вы что же, господа, не идете? Чай готов...

Черкун. Сейчас...

Анна (негромко, с болью). Вы думаете, я... вы думаете, я подслушивала, да? Как вам не стыдно!

Цыганов. Да нет же! Егор, пойди сюда...

(Анна бежит в свою комнату.)

Черкун (в двери). Ну? Что?

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Цыганов (негромко). Пойди сюда... Сейчас твоя жена слышала что-то и очень взволновалась...

Черкун (с гримасой). Э, обычная история! Надежда Поликарповна шалит... и больше ничего! Рассказывает мне, как разные люди должны объясняться в любви... Это удивительно забавно... (Поспешно уходит. Цыганов пожал плечами, расправил усы, налил большую рюмку коньяку, выпил. Взял шляпу, идет в прихожую; навстречу Монахов, смиренный, грустный.)

Монахов (тихо). Здравствуйте!

Цыганов. добрый вечер... Хотите коньяку?

Монахов. Позвольте... холодно... Надежда моя здесь?

Цыганов. Налить еще?

(Монахов молча кивает головой. Цыганов насвистывает что-то.)

Монахов (тихо). А я... за ней...

Цыганов (улыбаясь). Позвать?

Монахов. Нет... не надо... Я лучше еще выпью...

Цыганов (улыбаясь). Разве это лучше?

Монахов. Не смейтесь... что уж!

Цыганов. А помните - пари?

Монахов. Что ж... вы проиграли...

Цыганов. Вас однако не радует это? Э, что это вы? Не надо!..

Монахов (плачет). Тоска... как я теперь буду, а? Подумайте... как? Ведь, кроме ее, ничего нет! Ничего!

Цыганов (скрывая брезгливость). Ну, пойдемте... ко мне... или на воздух... Идите, пожалуйста! Страдайте, если это необходимо, но никогда не нужно быть смешным и некрасивым, мой друг...

(Идут в прихожую. В комнате тихо. Из гостиной раздается мурлыкающий, пониженный голос Надежды.)

Надежда. Настоящая любовь ничего не жалеет, ничего не боится...

Черкун (смеясь). Ну, оставим это... вы сегодня так говорите... (является в дверях гостиной, взволнован.)

Надежда (сзади его). О любви ничего нельзя сказать... Это я вам о том говорила, как разные герои объясняются. А любить нужно молча...

Черкун (бормочет). Молча?.. Ну... давайте чай пить... что ли...

Надежда (негромко). Боитесь?

Черкун. Я? Чего?

Надежда. Меня. Вот уж не думала я...

Черкун. Довольно однако...

Надежда. Не думала, что вы бояться можете...

Черкун (близко к ней). Смотрите... берегитесь!

Надежда. Чего же мне беречься?

Черкун (кладет ей на плечи руки свои). Ты любишь меня... да? Ну, говори... любишь?

Надежда (тихо, твердо). Да. Как увидела... сразу... Мой - Жорж! Ты мой Жорж... (Обнимает его. Он делает движение, чтобы освободить себя. Анна выходит, лицо у нее заплакано, в руках платок. Увидала мужа и Надежду, выпрямилась, вся натянулась, как струна.)

Анна (негромко). Это... мерзко!

Черкун (с пьяной улыбкой). Не спеши, Анна... хотя - все равно!

Надежда. Да. Уж теперь - все равно!

Анна (с отвращением). О... вы - зверь! Вы - гадкий зверь...

Надежда (спокойно). Это потому, что полюбила?

Черкун (точно проснулся). Подожди, Анна, молчи...

Анна. Молчать? Как низко ты упал... Я поняла бы... если б не эта... если б - другая... но - эта! Это животное...

Надежда (Черкуну). Уйдем, Жорж...

Черкун. Надежда Поликарповна, послушайте...

(Шум в прихожей. Быстро вбегает Цыганов, за ним бежит доктор и Монахов.)

Цыганов. Уймите этого болвана!

Доктор (в руках у него большой старый револьвер. Держась рукой за кояк, он целит в Цыганова.) Я тебя убью... убью... (Спускает курок. Осечка.)

Цыганов. Осел! Стрелять не умеешь!

Черкун (бросаясь к доктору). Брось!

Анна и Надежда (вместе). Уйди! Убьет!

Доктор (вертит пальцами барабан). Будь проклят!. черт...

Надежда (вырывая револьвер). Ах ты... глупый!

Черкун. Вы с ума сошли?

Монахов. Надя... Брось пистолет!

Лидия (вбегает). Что случилось?

Цыганов (возбужденно). У меня достаточно своих грехов... я не хочу платиться за чужие... дикарь!

Анна (Лидии). Он целовал ее... ее! (Монахову.) Уберите отсюда эту... (Лидии.) Он целовался с ней...

Лидия (ведет ее прочь, к ней). Степа! Позовите тетю сюда...

Доктор (глоухо, Черкуну). С ним? С вами?

Черкун. Ступайте вон...

Цыганов (обертывая руку платком). Проснулся... идиот!

Доктор (тоскливо). Надежда! Кого ты выбрала?

Надежда (все время смотрела на него с довольной улыбкой). Я вам не ты...

Доктор. Кого ты выбрала?

Надежда (указывая на Черкунова, гордо). Его!

Монахов (стонет). Надя... Надя! За что?.. Надюша!

Богаевская (идет). Что, скандал? дожили! (Проходит в комнату Анны.)

Доктор (Цыганову). Вы... барин! Я - виноват... оказывается, надо было его... а впрочем, это все равно! Вы оба - хищники... мне жаль, что я не убил вас... мне жаль...

Надежда (сожалея). Что вы можете... эх вы!

Доктор. Да, ничего не могу! Все сгорело в душе моей...

Черкун. Ну... довольно, я говорю!

Монахов. Надя, уйдем домой!

Надежда (твёрдо). Мой дом - там, где он... там мой дом!

Доктор. Четыре долгих года горело сердце... что я теперь?

Цыганов. Егор! Чего он разглагольствует? Сорвал мне ноготь...

Черкун (доктору). Вы дешево отделались за вашу выходку... Ступайте! Будет...

Доктор (пришел в себя, просто). Прощай, Надежда! Я тебя люблю... Прости меня... за все! Прощай... Ты погибнешь с ними... погибнешь! Прощай!.. Прощайте... воронье... (Идет.)

Цыганов (Надежде). Ну, вы довольны, наконец? Всё - как в романе: любовь счастливая, штуки три несчастных... попытка выпалить из револьвера... кровь (показывает завернутый платком палец) - хорошо?

Надежда (тупо). Что ж он теперь... тоже убьет себя?

Цыганов. Я бы застрелился... от стыда...

Монахов (Черкуну, тихо). Отдайте мне... жену! Отдайте... Больше ничего не имею... всё в ней! Всю жизнь ей отдал... воровал - для нее...

Черкун (резко). Пожалуйста... возьмите!

Надежда (изумленно, Черкуну). Что ты сказал? Возьмите? да?

Черкун (твёрдо). Да. Вот что, Надежда Поликарповна, я вас прошу: простите меня..

Надежда. За что?

Черкун. Не придавайте значения моему поступку... Минутная вспышка... вызванная вами же... это не любовь...

Надежда (глухо). Говори проще... чтобы я поняла скорее.

Черкун. Я не люблю вас... нет!

Надежда (не верит). Да... нет же! Ты - поцеловал меня... Меня никто не целовал... только ты!

Монахов (как будто). А я... а я, Надя?

Надежда (тяжело). Молчи, покойник!

Черкун. Кончим все это! Вы поняли меня?.. Простите... если можете! (Хочет уйти.)

Варвары. Максим Горький gorkiy-maxim.ru
Надежда (странны, печально). Да нет же! Я вот сяду... Жорж, сядьте рядом, а?
Егор Петрович...

Черкун. Я не люблю вас... не люблю! (Уходит к себе. Надежда тихо опускается на диван. Остолбенела.

Цыганов радостно изумлен. Усы у него двигаются. Монахов стоит у двери, весь какой-то кривой, изломанный.)

Цыганов (весело). Вот идиотский город! Всё вверх ногами в нем: доктор должен лечить, а он - наносит раны...

Монахов. Надя!..

Надежда. А...

Монахов. Идем домой...

Надежда (негромко, спокойно). Иди один, покойник... иди!

(Вздохнув, Монахов ушел в прихожую.)

Цыганов (негромко). Поезжайте-ка в Париж, дорогая моя, а?

Надежда. А он меня не любит?.. это верно?

Цыганов. Конечно! Разве, когда любят...

Надежда. Не надо... я сама знаю...

Цыганов. Ну, вот видите, радость моя...

Надежда (в тоске). А может... только боится?

Цыганов (вздохнул). Ну... чего ему бояться?

Надежда. А доктор... убьет себя... да?

Цыганов. Сомневаюсь... Но если и так, - что же? Вы к этому привыкли... теперь вот доктор... потом, вероятно, я...

Надежда (качая головой). Из чего ему убить себя? Пистолет - вот он...

Цыганов. Можно другой купить...

Надежда. Здесь - не продают... душно здесь! Ох, как душно мне... Пойдемте... хоть на крыльце... постоим там... пойдемте!

Цыганов. За вами я - куда угодно... хоть на крышу! Ведь я люблю вас... я вас - люблю!

Надежда. Нет... не надо! (С глубоким убеждением.) Как вы можете любить, если он не может? Он! Он испугался... сам он! Никто не может меня любить... никто. Никто не может любить меня...

(Они уходят. Из комнаты Анны выбегает Стёпа, за ней Лидия. Степа берет что-то из шкафа. Выходит Черкун, угрюмый, подавленный.)

Лидия. Пятнадцать капель, Степа...

Степа. Как страшно... Господи! Какая это жизнь?

Лидия. Идите, нужно скорее...

Черкун. Что... Анна?

Лидия (пожимая плечами). Ничего... как скажешь иначе?

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Черкун. Мне... то есть ей трудно будет видеть меня...

Лидия. А что вам нужно от нее?

Черкун. Я очень прошу вас сказать ей... что

Монахова... ушла. Я объяснил ей мой поступок... и просил простить меня... Она ушла... больше не вернется...

Лидия. Я плохо понимаю...

Черкун. Она... сама же разбудила во мне зверя... ну, я поцеловал ее... не мог сдержать себя... Сильна - эта женщина!

Лидия (с иронией). А! Это она виновата? Вас - соблазнили? Бедный...

Черкун (тихо). Вы... я вам противен?

Лидия (тихо, сильно, мстительно). О да, вы мне противны, да! Я презираю вас...

Черкун. Нет! Зачем вы так? Почему, когда вы видели, что я падаю...

Лидия. Я не занимаюсь спасением погибающих... Пусть тот, кто способен погибнуть, - погибнет! Это освежает жизнь... это уничтожит лишнее... только лишнее!

Черкун. Я чувствовал - вы что-то искали во мне... Я много любовался вами... и... но я теперь не смею этого сказать...

Лидия. Да, вы не смеете сказать это! Да! Я искала... я думала, что найду стойкого, твердого человека, которого можно бы уважать... Я давно ищу... я ищу человека, чтобы поклониться ему, чтобы пойти рядом с ним... Пусть это мечта... но я буду искать человека...

Черкун (тихо). Чтобы поклониться ему...

Лидия. И пойти рядом с ним... Да неужели нет на земле людей-жрецов, людей-героев, для которых жизнь была бы великой творческой работой... неужели нет?

Черкун (глухо, с отчаянием). Здесь невозможно сохранить себя, поймите это... невозможно! Сила этой жизни... этой грязи...

Лидия (гневно). Всюду - жалкие, всюду - жадные...

(Выстрел на дворе.)

Черкун (тоскливо). О... еще! Что там... еще?

Анна (выскакивает из комнаты). Егор! Где... Ах... боже мой...

(Валился на диван.)

Лидия (идет). Я посмотрю...

Богаевская. А я уж хотела спать идти... да...

Цыганов (в прихожей). Не ходите...

Черкун. Кто стрелял?

Цыганов (бледный, усы опустились). Она... Надежда Поликарповна...

Черкун. В... кого?

Цыганов (вздрагивая). В себя... при мне... при муже... так спокойно... просто... черт побери!

Богаевская (идет в прихожую). Вот дуреха! Кто бы мог подумать, а?

Варвары. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Анна (бросается к мужу). Егор... ты не виноват! Нет, Егор...

Черкун. Где... этот... доктор?

Монахов (идет). Не надо доктора... ничего не надо...

Господа, вы убили человека... за что?

Анна. О, Егор... это не ты... это - не ты!

Монахов (тихо, с ужасом). Что же вы сделали? а? что вы сделали?

(Все молчат. Слышно, как на дворе воет ветер.)

Занавес

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!